

219
389

СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

и

ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ.

Н. М. ПРЖЕВАЛЬСКАГО.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.

1887.

СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ *

I. Причины малолюдія этой страны.

На обширномъ пространствѣ Центральной Азіи, раскинувшейся отъ крайнихъ сибирскихъ горъ на сѣверѣ до Гималаи на югѣ, отъ меридіональнаго хребта Большой Хинганъ и пограничныхъ къ сторонѣ Гоби и Тибета хребтовъ собственнаго Китая до Памира, Западнаго Тянь-Шаня и Тара-багатая на западѣ, всего на площади около 120.000 кв. географическихъ миль, нынѣ обитаютъ, какъ извѣстно, три главныя народности: Монголы на сѣверѣ, Таагуты или Тибетцы на югѣ и Туркестанцы на западѣ; слорадически еще живутъ здѣсь по оазисамъ Китайцы и Дууганы, а на западной окраинѣ кое-гдѣ кочуютъ Киргизы. Общее число всѣхъ этихъ народовъ, вѣроятно, не превосходитъ восьми-деяти

* Статья эта составляетъ одну изъ главъ приготовляемаго нынѣ Н. М. Пржевальскимъ описанія его четвертаго путешествія по Центральной Азіи.

милліоновъ; * цифра ничтожная сравнительно съ обширностью описываемой страны. Но ея физическія свойства роковымъ образомъ опредѣляютъ такое малолюдіе. За исключеніемъ немногочисленныхъ оазисовъ, вкрапленныхъ островками у подножія гигантскихъ горныхъ хребтовъ, здѣсь нѣтъ другихъ мѣстъ для оскдлой культурной жизни. Даже для номадовъ съ ихъ стадами Центральная Азія даетъ сравнительно мало привольныхъ пастбищъ, и то только на своей сѣверной и восточной окраинахъ. Все остальное, приблизительно $\frac{4}{5}$ общаго пространства вышенамѣченной площади, залонили пустыня, ** въ которой лишь кое-гдѣ ютится непрехотливый номадъ. Многія же части этой пустыни, каковы: нагорье сѣвернаго Тибета, болота Цайдама, сылудіе пески Тарима, Алашаня и Чжунгаріи, галечныя, или глинистыя площади центральной Гоби и обширные солончаки въ другихъ ея частяхъ, вовсе непригодны для человѣка.

Но если Центральная Азія часто представляетъ на цѣлыя сотни, даже тысячи квадратныхъ миль абсолютную пустыню, за то въ мѣстахъ хотя мало-мальски возможныхъ для обитанія она населена отъ временъ глубокой древности. Весьма выгодныя условія для скотоводства, какъ-то: сухой климатъ, отсутствіе снѣга зимой и докучныхъ насѣкомыхъ лѣтомъ, обиліе соли въ почвѣ, кормная, хотя съ виду

* По слѣдующему приблизительному разчету: Монголія 3—4 милл., Тибетъ $1\frac{1}{2}$ — 2 милл., Восточный Туркестанъ 2 милл., Чжунгарія $\frac{1}{2}$ милл., оазисы Восточнаго Тянь-Шаня и вдоль сѣверной подошвы Нань-Шаня—1 милл. Точныхъ свѣдѣній о количествѣ населенія этихъ странъ не имѣется.

** Необходимо строго различать термины „степь“ и „пустыня“, которыми такъ часто злоупотребляютъ. Гоби лишь на сѣверной и восточной окраинахъ представляетъ собою степь; вся остальная ея площадь, со включеніемъ бассейна Тарима и Чжунгаріи—пустыня. Нагорье Тибета, за небольшими исключеніями, также пустыня, хотя и иного характера чѣмъ Гоби.

невзрачная трава, а мѣстами и хорошія пастбища, наконецъ, сравнительно ничтожный здѣсь уходъ за скотомъ, все это еще въ глубокой древности манило человѣка-дикаря отдаться пастушескому быту и въ лѣтливой, но достаточно обезпеченной, жизни номада искать возможнаго удовлетворенія своихъ непрехотливыхъ стремленій. Тѣмъ болѣе что среди такихъ условій и обстановки жизни не требовалось ни особенной энергіи, ни особенныхъ индивидуальныхъ качествъ. „Борьба за существованіе“ являлась здѣсь болѣе пассивною чѣмъ активною и притомъ укладывалась въ неширокія рамки однообразной обстановки быта и однообразныхъ физическихъ условій природы. Вотъ почему въ пустыняхъ Центральной Азіи, несмотря на баснословное мѣстами обиліе звѣрей, которыхъ въ древности несомнѣнно было здѣсь еще больше, человѣкъ миновалъ первую ступень своего общественнаго развитія, не сдѣлался охотникомъ, какъ въ сошедшихъ лѣсахъ Сибири, но обзавелся стадами домашняго скота и въ зависимость отъ него поставилъ все свое существованіе. Охота явилась затѣмъ какъ подспорье, или какъ развлеченіе, не болѣе. Конечно, въ началѣ занимались лучшія степныя мѣстности, а затѣмъ по мѣрѣ размноженія стадъ, равно какъ и самихъ номадовъ,—въ видѣ ли ихъ естественнаго прироста, или прилива новыхъ племенъ,—кочевая жизнь захватывала все большій районъ, не пренебрегала даже скудными уголками пустыни и расплылась по ней во всѣ стороны. Но въ тѣ далекія отъ насъ времена, какъ и теперь, особенно расплодиться кочевникамъ было невозможно, ибо не доставало корма для ихъ многочисленныхъ стадъ. Периодическія выселенія къ западу, повальныя болѣзни скота и войны кончавшіяся безпощаднымъ истребленіемъ побѣжденныхъ, вотъ тѣ факторы которые по временамъ возникали какъ роковая необходимость и приводили къ возможной для существованія нормѣ кочевое населеніе степей и пустынь Центральной Азіи. Здѣсь и теперь всѣ мѣста

годныя для пастбищъ заняты; подножный кормъ ежегодно поѣдается стадами кочевниковъ и дикими звѣрями до послѣдняго клочка; скудное населеніе обширныхъ пространствъ не можетъ значительно увеличиться безъ ущерба для благосостоянія многочисленныхъ стадъ, а слѣдовательно и самихъ номадовъ.

Съ другой стороны, въ тѣхъ крохотныхъ клочкахъ-оазисахъ которые разбросаны по Центральной Азіи у подножія двухъ главныхъ ея хребтовъ, Тянь-Шаня и Куэнь-Люня, и представляютъ собою единственные уголки годныя для осѣдлой жизни—съ глубокой древности все уже переполнено; каждый орошаемый клочекъ земли занятъ; ни одно ведро воды не льется даромъ. Населеніе давнымъ-давно стало въ уровень съ производительностью почвы; прибавить лишнихъ ртовъ нельзя. Возможны только, какъ и было въ дѣйствительности, періодическія истребленія, а затѣмъ размноженіе вновь или занятіе опорожненныхъ мѣстъ пришельцами.

Такимъ образомъ, Центральная Азія, несмотря на свою громадную площадь, представляетъ весьма мало мѣстностей годныхъ не только для осѣдлой, но и для кочевой жизни. Скудная цифра здѣшняго населенія не можетъ увеличиться значительно: пустыня останется непригодною для человѣка навсегда.

II. Общая характеристика здѣшнихъ народовъ.

Народы обитающіе въ Центральной Азіи, несмотря на различіе расъ, языка, религіи и образа жизни, представляютъ, какъ и другіе Азіяты, много общаго относительно своего характера, умственныхъ и нравственныхъ качествъ. На всей этой духовной сторонѣ челоѣческой природы здѣсь лежитъ одинаковая печать вялости, нравственной разнузданности и косности. Исключительныя условія историче-

ской жизни, въ которой вѣковое рабство являлось главнѣйшимъ стимуломъ общественнаго строя, выработали у Азіятцевъ въ большинствѣ случаевъ отвратительное лицемеріе и крайній эгоизмъ. Не менѣе выдающимися чертами характера служатъ также лѣнь и апатія. Не говоря уже про номадовъ, вся жизнь коихъ состоитъ изъ полнаго ничего недѣланія, даже у жителей осѣдлыхъ лѣнь проглядываетъ во всемъ что касается удовлетворенія насущныхъ потребностей жизни. „Время не деньги“—этотъ извращенный американскій девизъ проходитъ сплошь не только по Центральной, но и по всей Азіи вообще. Отъ предѣловъ Сибири и Туркестана до глубины Тибета мы постоянно слышали у туземцевъ слова „по-тише“ и „по-маленьку“, а никакъ не „поживѣе“ или „поскорѣй“. „Хорошіе люди никогда не торопятся; это дѣлаютъ только люди дурные, какъ воры или разбойники при своихъ похиженіяхъ“, не одинъ разъ говаривали намъ Монголы или Тангуты. Сообразно такому складу понятій, вездѣ среди Азіятцевъ большимъ уваженіемъ пользуется апатичность и тулая лѣнь въ особенности богатаго человѣка *. Таковы въ огромномъ большинствѣ случаевъ монгольскіе или тангутскіе князья и ламы, киргизскіе бій, богатые купцы среди Сартовъ и Китайцевъ. Вообще Азіятецъ въ своемъ житейскомъ идеалѣ стремится достигнуть невозможнаго соединить благоденствіе съ отсутствіемъ энергичнаго труда. Номады частію приблизились къ разрѣшенію такой задачи тѣмъ что жертвуютъ въ пользу лѣни удобствами жизни.

Изъ той же лѣности и пассивности характера вытекаетъ отсутствіе стремленія къ прогрессу и крайній консерватизмъ всѣхъ вообще Азіятцевъ. Въ глазахъ ихъ свобода не имѣетъ ровно никакой цѣны. Извѣстно что въ Китаѣ даже нѣтъ

* Такъ, напримѣръ, нѣшеходъ всегда въ презрѣніи у Азіятца. По его понятіямъ, такой человѣкъ настолько бѣденъ или дурно воспитанъ что заставляетъ себя трудиться нѣшею ходьбой.

слова для выраженія понятія „гражданская свобода“. Замѣчательно что и народныя вслышки въ Азіи проявляются обыкновенно лишь противъ отдѣльныхъ личностей, такъ или иначе навлекшихъ на себя негодованіе массы, но не противъ самаго принципа деспотизма. Дикій Азіятецъ инстинктивно сознаетъ что для его грубой природы свобода была бы гибелью, ибо у народовъ не подготовленныхъ къ высокой государственной жизни, другими словами варварскихъ, общественныя вольности легко могутъ превратиться въ анархію.

Рельефную также черту характера Азіятцевъ составляетъ, какъ выше уломянуто, ихъ нравственная распушенность, которая сильнѣе проявляется у народовъ осѣдлыхъ. Да и вообще лишь на чувственной мѣркѣ основаны въ Азіи все отношенія между мужчиной и женщиной; эта послѣдняя—товаръ или рабочій скотъ, не болѣе. Семейная жизнь построена на абсолютномъ деспотизмѣ мужа относительно жены и дѣтей. Грубое удовлетвореніе физическихъ желаній и страстей—главная задача жизни каждаго Азіятца. Въ основѣ характера этотъ человѣкъ—эгоистъ чрезъ край; свое „я“ у него всегда на первомъ планѣ; высшія чувства чести, долга, нравственности здѣсь неизвѣстны; наоборотъ, лицемеріе и хитрость считаются высокими достоинствами человѣка.

Въ природенныхъ умственныхъ способностяхъ, преимущественно въ здоровомъ смыслѣ, нельзя отказать Азіятцамъ, тѣмъ болѣе осѣдымъ жителямъ Центральной Азіи. Номады, въ особенности Монголы, въ этомъ отношеніи стоятъ гораздо ниже; притомъ ихъ мыслительныя способности во многомъ имѣютъ чисто ребяческой характеръ. Но опять-таки, даже при хорошихъ умственныхъ средствахъ, Азіятецъ употребляетъ свои дарованія почти исключительно на мелкія житейскія дѣла, такъ что человѣкъ способный дѣлается здѣсь почти всегда только ловкимъ проходимцемъ. Стремленія къ наукѣ, жажды чистаго знанія у Азіятца нѣтъ и въ поминѣ. Да и сама наука представляетъ здѣсь, какъ извѣстно, преждевре-

менно замороженный зародышъ, у котораго развился лишь одинъ отпрыскъ—религіозныя доктрины. Онѣ-то и породили абсолютный фанатизмъ магометанъ и аскетическое ханжество буддистовъ. Въ Китаѣ же, при исключительныхъ условіяхъ многовѣковой жизни этого государства, практически выработался широкій атеизмъ. За то на лучшей сравнительно почвѣ китайскаго здравомыслія, еще во глубинѣ вѣковъ, появились нѣкоторыя зачатки науки, но необновляемые иноземными сношеніями и, какъ результатомъ ихъ, приливомъ новыхъ знаній и опыта—остановились на полупутѣ своего развитія, или чаще остались лишь въ зародышѣ и улеглись въ мертвыя, разъ зауроченныя формы.

Если отмѣтить затѣмъ мимолетность впечатлѣній при отсутствіи сосредоточенности вообще и прирожденную трусость, какъ характерныя черты каждаго изъ Азіятцевъ, то этимъ можно заключить довольно длинный перечень отрицательныхъ качествъ народовъ Центральной Азіи.

Гораздо сокращеннѣе получится реестръ похвальныхъ проявленій умственнаго и нравственнаго склада Азіятцевъ. При этомъ необходимо опять отличать жителей осѣдлыхъ отъ номадовъ. Если первые превосходятъ послѣднихъ умственными способностями, то въ свою очередь кочевники, въ особенности Монголы, имѣютъ больше добрыхъ сердечныхъ качествъ.

Такъ у номадовъ семейная жизнь зиждется на болѣе искреннемъ взаимномъ чувствѣ супруговъ, и отношенія отца къ дѣтямъ много мягче чѣмъ у жителей осѣдлыхъ. Номадъ вообще гораздо откровеннѣе и добродушнѣе; гостепрѣимство считается здѣсь священною обязанностью. Воровство у кочевниковъ составляетъ рѣдкое преступленіе, а честность въ исполненіи даннаго обѣщанія строго соблюдается даже у разбойниковъ Тангутовъ. Проституція, эта язва цивилизованнаго общества, у номадовъ вовсе неизвѣстна. Въ большинствѣ случаевъ богатый помогаетъ здѣсь бѣдному, да и разница въ

быть того и другаго не слишкомъ велика при невозможности излишняго комфорта.

У осѣдлыхъ жителей Центральной Азіи, помимо гораздо лучшихъ прирожденныхъ умственныхъ способностей чѣмъ у номадовъ, мирныя домовитыя склонности составляютъ весьма замѣтную черту характера. Такое качество, при полномъ отсутствіи пьянства, обуславливаетъ сравнительную рѣдкость не только крупныхъ преступленій, но даже заурядныхъ дракъ. Воровство здѣсь также мало распространено, въ особенности среди деревенскаго населенія, которое, какъ и у насъ, гораздо нравственнѣе городского. Словно муравей копаются осѣдлый Азіятецъ на своемъ миниатюрномъ полѣ или въ саду; кропотливая работа, не требующая излишняго напряженія физическихъ силъ, какъ разъ по сердцу этому человѣку. Онъ довольствуется сравнительно малымъ, не предъявляетъ жизни особыхъ требованій и счастливъ по своему лишь бы оставаться въ покоѣ. Какъ у номадовъ, такъ и здѣсь старѣйшіе пользуются полнымъ уваженіемъ. Ихъ совѣты рѣшаютъ общественныя дѣла. Вообще у Азіятецвъ широкій деспотизмъ правителей уживается рядомъ съ выборнымъ началомъ общиннаго строя.

III. Малые задатки прогресса.

Если взвѣсить данныя pro и contra вопроса о томъ: способны ли народы Центральной Азіи къ прогрессу въ смыслѣ воспріятія и усвоенія европейской цивилизаціи, то, мнѣ кажется, всего скорѣе можно придти къ отрицательному отвѣту. Обратившись сперва къ номадамъ, не трудно замѣтить что все условія ихъ жизни, способностей и характера сложились какъ разъ на перекоръ прогрессу. Дикая природа пустыни, нигдѣ не дающая простора дѣятельности человѣка, наоборотъ, всюду приводящая его лишь къ пассивной выносливости, выработала

и закрѣпила вполнѣ пассивный характеръ своего обитателя. Никогда и нигдѣ отъ него не требуется здѣсь активной энергіи: выносить постоянно холода, жары, бури и другія климатическія невзгоды можно лишь пассивно; вѣздить по цѣлымъ мѣсяцамъ шагомъ на верблюдѣ, терпѣть при этомъ голодь и жажду, можно также лишь пассивно; созерцать всю жизнь одну и ту же безплодную пустыню нужно пассивно и т. д. При такихъ условіяхъ жизни энергичный характеръ не только не пригоденъ, но послужитъ даже во вредъ индивидууму—онъ скоро сломится, скоро погибнетъ въ неподходящей для него борьбѣ. Какъ для всякой грубой работы здѣсь нуженъ не острый рѣзецъ, а тупое прочное долбило.

Невозможно также при столь неблагоприятной обстановкѣ выработаться и умственными способностямъ чловѣка. Нѣтъ къ тому достаточныхъ мотивовъ, нѣтъ почвы для упражненія, а следовательно и для развитія ума. Вотъ почему номады отъ вѣка былъ и есть по своимъ понятіямъ и способностямъ въ лучшемъ случаѣ ребенокъ, по большей же части чуть не идиотъ. Въ сферѣ разъ зауроченной дѣятельности онъ проявляетъ инстинктивную сметку, но въ будничной обстановки, въ большинствѣ случаевъ, теряетъ и эту ничтожную способность.

Съ другой стороны, у номадовъ нѣтъ стимуловъ понуждающихъ къ воспріятію такъ-называемыхъ „благъ цивилизаціи“ и въ самомъ строгѣ ихъ общественнаго быта. Кочевникъ почти безо всякаго личнаго труда достаточно обезпеченъ стадами, которыя даютъ все необходимое для его неприхотливой жизни. Деспотизмъ правителей, каковы князья, ханы и другія административныя личности, здѣсь менѣе чувствителенъ чѣмъ роковой деспотизмъ горькой нужды и тяжелаго труда, неотразимо тяготящихся надъ рабочими массами государствъ Европейскихъ. Что же касается высокихъ даровъ науки и истиннаго знанія, то вѣдь эти блага составляютъ достояніе сравнительно немногихъ даже въ странахъ

самых образованныхъ. Для массы онѣ не могутъ быть доступны; ей перепадаетъ лишь крохи со стола избранниковъ.

Вообще позволительно не только сомнѣваться въ возможности для номадовъ перехода въ цивилизованную жизнь по какимъ бы то ни было рецептамъ, но можно даже утверждать полную непригодность этихъ племенъ къ такой метаморфозѣ. Какъ баранъ не можетъ быть выдрессированъ на подобіе лягавой собаки, такъ и кочевникъ, умственно тулой, лѣнивый и апатичный, не можетъ, по самому складу своей природы, передраться въ энергическаго цивилизованнаго человѣка. Въ немногихъ исключительныхъ случаяхъ изъ него выйдетъ развѣ ворона въ лавинныхъ перьяхъ, не болѣе. Да и къ чему номаду лѣзть въ омутъ цивилизованной жизни, если и теперь въ своихъ пустыняхъ онъ живетъ счастливо по своему? Никому онъ не мѣшаетъ, ни отъ кого ничего не требуетъ, живетъ исключительно въ себѣ и для себя. Подъ общій уровень той мѣрки которая называется европейскою цивилизаціей, не къ чему, не для чего, да и невозможно подвести всѣ безъ исключенія народы. Каждому изъ нихъ свое мѣсто, свой удѣлъ на общей аренѣ человѣческой жизни. Какъ въ природѣ мы видимъ что высшіе организмы не исключаютъ совмѣстнаго существованія организмовъ низшихъ, такъ и въ человѣческой семьѣ имѣютъ неотъемлемое право на самостоятельную жизнь и старшіе, и младшіе братья. Излишняя опека первыхъ надъ послѣдними едва ли поведетъ къ добру; извѣстно что „у многихъ нянекъ дитя нерѣдко выходитъ уродомъ“. Да и всего вѣрнѣе что цивилизація, вмѣсто ожидаемыхъ благъ, принесетъ номадамъ одна бѣды — убьетъ ихъ нравственно и не воскреситъ умственно. Живой тому примѣръ можно видѣть въ Центральной Азіи, какъ на нашей такъ и на китайской окраинахъ Монголіи. Тамъ и здѣсь Монголы по своему характеру далеко не походятъ на обитателей болѣе удаленныхъ частей Гоби. Они заимствуютъ отъ своихъ сосѣдей прежде всего дурныя стороны жизни, безвозвратно

теряютъ свою простоту и добродушіе, но всецѣло сохраняютъ прежнюю лѣнь и другіе пороки, такъ что въ концѣ-концовъ превращаются въ нукуда негодныхъ выродковъ. Личности же болѣе способныя обыкновенно дѣлаются полными негодаями.

Обращаясь затѣмъ къ осѣдлымъ жителямъ Центральной Азіи, общая характеристика коихъ, какъ уже было выше замѣчено, въ значительной степени приложима и къ другимъ культурнымъ народамъ того же материка, слѣдуетъ помнить что по многимъ даннымъ исторіи, націи какъ и индивидуумы переживаютъ сходныя стадіи развитія отъ начала до конца своего существованія. И какъ въ единичномъ организмѣ извѣстный возрастъ опредѣляетъ бѣольшую или меньшую напряженность различныхъ его функцій, такъ и въ организмѣ социальномъ, въ зависимости отъ хода его развитія и отъ внѣшнихъ условій существованія, проявляются и вырабатываются тѣ или другія способности и склонности, опредѣляющія собою историческую жизнь народа. Правда, не всегда и не вездѣ такой законъ идетъ обычнымъ чередомъ. Набѣгающія извнѣ случайности или внутренніе недостатки и уклоненія нерѣдко видоизмѣняютъ, сокращаютъ или даже вовсе устраняютъ извѣстный циклъ народнаго развитія; такъ же какъ и патологическія измѣненія нарушаютъ обычный ходъ индивидуальнаго организма. Но несомнѣнно что возвращеніе къ пережитымъ уже стадіямъ развитія невозможно какъ для отдѣльныхъ личностей, такъ и для цѣлыхъ націй.

При одѣнкѣ общественнаго строя и характера культурныхъ народовъ Центральной Азіи съ такой точки зрѣнія, съ достаточнымъ вѣроятіемъ можно сказать что они весьма мало имѣютъ шансовъ вступить когда-либо на путь европейской цивилизаціи. Непроходимая пропасть лежитъ между внутреннимъ міромъ Европейца и Азіятца; они во всемъ чужды другъ другу и едва ли когда могутъ сдѣлаться родными братьями. Притомъ для переработки въ новую жизнь нужны не дряхлыя,

а свѣжія, непочатыя силы. Ихъ-то и нѣтъ не только у описываемыхъ, но и у всѣхъ азіатскихъ народовъ вообще. Какъ отжившій свое старикъ неудержимо близится къ концу, по немногу превращаясь въ ребенка, такъ и культурные народы Азіи, уже одряхлѣвшіе умственно и нравственно, могутъ такъ или иначе продолжать свое пассивное существованіе, но имъ уже не возродиться.*

Въ нѣсколько иныхъ условіяхъ находится только Японія, какъ государство морское. Но и тамъ еще неизвѣстно какіе плоды принесетъ недавній крутой скачекъ по пути реформъ и примутся ли какъ слѣдуетъ чужеземныя новшества. Китай же, многовѣковая замкнутость коего нынѣ такъ безцеремонно нарушена Европейцами, едва ли легко поддастся нововведеніямъ, чуждымъ для него по своему духу и по своей почвѣ. Правда, въ томъ же Китаѣ нынѣ вводятся европейскія усовершенствованія въ области военной техники и военного устройства вообще, но вѣдь это касается лишь измѣненія одной стороны государственной жизни, вызваннаго притомъ настоятельною необходимостью самозащиты. Для пересадки же сюда другихъ отраслей европейской культуры и цивилизаціи нужна будетъ такая всеобщая ломка какую едва ли выдержать уже отжившему свое Китайскому народу. Завѣты старины, обычаи, понятія, общественный строй,—словомъ, все что дорого для этого народа и выработано многими вѣками его исторической жизни, все должно быть

* Вотъ что говоритъ Спенсеръ: „Когда нѣсколько обществъ, происшедшихъ одно отъ другаго, вели постоянно одинъ и тотъ же образъ жизни, то въ послѣднемъ результатѣ этого ряда обществъ получается тиль до такой степени прочно установившійся въ своемъ циклѣ развитія, зрѣлости и упадка что для него становятся невозможными какіе бы то ни было новые метаморфозы, такъ какъ всякій метаморфозъ натаалкивается здѣсь на слѣшкомъ сильное сопротивленіе со стороны унаслѣдованныхъ стремленій къ извѣстному опредѣленному строю.“ *Основанія социологіи*, русскій переводъ, томъ II, стр. 633.

измѣнено. Терять придется слишкомъ много, притомъ испытанное и дорогое; получать же взаменъ новое чужое, да еще „варварское“ по понятіямъ тѣхъ же Китайцевъ. Кроме того, многіе атрибуты европейской цивилизаціи сами по себѣ явятся болѣзненнымъ, разлагающимъ элементомъ въ самобытномъ складѣ Китайскаго государства. Не говоря уже про неминуемый подрывъ суроваго семейнаго строя, какъ главной основы государственной жизни Китая, введеніе сюда машиннаго производства породитъ многіе миллионы нищихъ лишенныхъ нѣжной ручной своей работы; желѣзныя дороги отнимутъ хлѣбъ у миллионовъ возницъ и носильщиковъ и т. д. Конечно, найдутся новыя занятія по разнымъ отраслямъ технического производства, но они едва ли доставятъ достаточно работы для столькихъ упраздненныхъ рукъ. Въ результатѣ все-таки получится многочисленный пролетаріатъ, болѣе опасный чѣмъ въ Западной Европѣ, такъ какъ въ Китаѣ населеніе переполнило страну и стало въ уровень съ возможною для нея производительностью. Единственный исходъ для подобнаго пролетаріата будетъ эмиграція, но куда? Вѣдь тогда явится вопросъ о выселеніи многихъ миллионовъ такого народа который не ассимилируется съ туземцами и гдѣ бы ни осѣлся, непременно заведетъ новый Китай.

Такимъ образомъ для Китая является неразрѣшимая дилемма: или очертя голову броситься въ омутъ переустройства самого себя сверху до низу, или оставаться при прежнихъ традиціяхъ, паряруя по возможности напорѣ Европейцевъ. Первое представляетъ мало шансовъ успѣха; послѣдній почти неотразимъ. Но какъ золотая середина между тѣмъ и другимъ стоитъ уже не разъ испытанная тѣмъ же Китаемъ и современною Турціей система лавированія между подводныхъ скалъ политики и умѣлое пользованіе взаимнымъ недружелюбіемъ опасныхъ для себя націй. * Тѣмъ болѣе что

* Известно выраженіе Ли-Хунь-Чжана, вице-короля Чжидэйской

хитрости и криводушію не стать учиться Китайцамъ. Пуская пыль въ глаза своимъ либерализмомъ, гдѣ это нужно, поддѣлываясь подъ тонъ той или другой, но выгодной для себя вѣшной политики, притворяясь другомъ съ сильнымъ и хорохорясь со слабымъ, словомъ, умѣло эксплуатируя и враговъ и друзей, втихомолку же подсмѣиваясь надъ тѣми и другими, Китай можетъ еще долго существовать самобытно. Безъ конца станетъ онъ тянуть одну и ту же канитель лицемерной политики и, всего вѣрнѣе, въ будущемъ изобразить для Европы новаго „больнаго человѣка“.

Обращаясь еще разъ къ причинамъ служащимъ тормазамъ для развитія цивилизаціи какъ у народовъ Центральной Азіи, такъ и во многихъ другихъ частяхъ этого материка, слѣдуетъ указать на двѣ господствующія здѣсь религіи—буддизмъ и магометанство. Ихъ тлетворное дѣйствіе на массы пустило слишкомъ глубокіе корни и воздвигло слишкомъ прочныя преграды для успѣшной пропаганды христіанства.

Въ самомъ дѣлѣ, посмотрите на основные принципы обѣихъ названныхъ религій. Буддизмъ, какъ извѣстно, проповѣдуетъ ученіе о суетности и эфемерности всего существующаго; говоритъ что міръ—иллюзія, а жизнь тяжелое бремя; что несчастіе лежитъ въ самомъ фактѣ существованія; что истинно только одно—нирвана, абсолютное ничто, такое состояніе которае не имѣетъ отношенія ни ко времени, ни къ пространству, гдѣ исчезаетъ всякая индивидуальность. Высшая задача жизни каждаго человѣка, по ученію буддистовъ, стремиться къ уничтоженію всѣхъ личныхъ желаній, чувствованій, идеаловъ, словомъ, приготовляться къ нирванѣ, къ небытію.

Магометанство своимъ основнымъ положеніемъ „нѣтъ Бога кромѣ Бога“, хотя и заявило высокій принципъ единого

провинціи и нынѣ самаго популярнаго человѣка въ Китаѣ: „Идъ нужно уничтожать противоядіемъ, а иностранцевъ солерниками-иностранцами, натравливая ихъ другъ на друга“.

божества, какъ абсолютной причины всего существующаго, но въ то же время, поддаваясь подъ складъ характера и понятій своихъ послѣдователей, развило поблажку чувственной сторонѣ челоѡвка и ловко эксплуатировало его эгоизмъ ученіемъ о предопредѣленіи судьбы. При этомъ оно поставило непреложнымъ догматомъ насильственное обращеніе иновѣрцевъ.

Такимъ образомъ обѣ религіи по существу своихъ ученій прямо противоположны. Буддизмъ дѣлаетъ аскетизмъ вышею заслугой земной жизни челоѡвка, а въ будущемъ, какъ награду, обѣщаетъ полное личное уничтоженіе. Магометанство, наоборотъ, проповѣдуетъ предназначеніе для каждаго въ жизни настоящей; въ будущей же представляетъ наполненный гуріями рай, гдѣ чувствительныя наслажденія будутъ литься рѣкою. Буддистъ индефферентенъ относительно иновѣрцевъ, онъ дѣйствуетъ только примѣромъ и убѣжденіемъ. Магометанство повелѣваетъ огнемъ и мечомъ обращать на поклоненіе Пророку. Отсюда вытекаетъ и различное историческое дѣйствіе обѣихъ религій: магометане, движимые фанатизмомъ, нѣкогда покорили почти весь историческій міръ; буддисты во имя своихъ вѣрованій ни разу не выступали на поприще исторіи. Одна религія требуетъ меча и насилія; другая—кроткая, но въ то же время едва ли не болѣе опасная, въ смыслѣ подрыва энергіи, труда и лучшихъ стремленій челоѡвка. Слѣдовательно, хотя и разными путями, но равно тормозящее прогрессъ, дѣйствіе обѣихъ религій сходно: буддизмъ прямо является разлагающимъ элементомъ государственной жизни; магометанство, правда, цементируетъ слои общества, даже различныя народности, но внѣ своихъ доктринъ исключаетъ всякое умственное развитіе.

Перейдемъ теперь на болѣе реальную почву.

IV. Непрочность китайскаго владычества.

Всѣ три части Центральной Азіи, Монголія, Восточный Туркестанъ съ Чжунгаріей и Тибетъ, нынѣ, какъ извѣстно подчинены Китаю. Помимо войскъ и административныхъ чиновниковъ, Китайцы являются здѣсь какъ колонисты-земледѣльцы и какъ торговцы. Однако число тѣхъ и другихъ сравнительно невелико, за исключеніемъ лишь оазисовъ вдоль сѣверной подошвы Нань-Шаня, принадлежащихъ впрочемъ къ собственно китайской провинціи Гань-су. Въ предѣлахъ же инородческой Центральной Азіи осѣдлое китайское населеніе въ значительномъ количествѣ встрѣчается лишь на юго-восточной окраинѣ Монголіи; затѣмъ начинается нынѣ прибывать въ оазисы сѣверной подошвы восточнаго Тянь-Шаня, въ особенности въ Кульджинскій край; кромѣ того, китайскіе земледѣльцы попадаются въ небольшомъ числѣ въ западной Чжунгаріи, близъ городовъ Чугучака и Булунь-тохой, въ сѣверо-западной Монголіи близъ города Уласутая, а также въ окрестностяхъ города Урги. Торговцы китайскіе встрѣчаются всюду по Центральной Азіи и въ нѣсколько меньшемъ числѣ въ недавно покоренномъ Восточномъ Туркестанѣ.

Общее число всѣхъ Китайцевъ, нынѣ пребывающихъ въ Центральной Азіи, можно положить лишь гадательно отъ 170—200 тысячъ, если не принимать въ расчетъ вышеупомянутыхъ при-Нань-Шаньскихъ оазисовъ, довольно густо населенныхъ какъ природными Китайцами, такъ отчасти и Дуңганами.

Нынѣшнее водвореніе китайскаго владычества въ Центральной Азіи совершилось, какъ извѣстно, при царствующей теперь въ Китаѣ манчжурской династіи Цзинь. Монголія подчинена была въ концѣ XVII вѣка. Ей сохранено прежнее удѣльное устройство; только владѣтельные князья

поставлены подъ строгій надзоръ китайскихъ (манчжурскихъ) сановниковъ назначаемыхъ изъ Пекина. * Здѣсь, въ палатѣ внѣшнихъ сношеній (*Лифань-юань*) сосредоточиваются всѣ дѣла касающіяся названной страны. Нѣкоторыя ея части, ближайшія къ собственному Китаю, передѣланы нѣсколько на китайскій образецъ. ** Законы внутренняго управленія монгольскихъ княжествъ (*хошуновъ, айлаковъ*) изданы Китайцами въ особомъ уложеніи. Общія дѣла каждаго княжества рѣшаются на ежегодныхъ сеймахъ. Податей Китаю Монголы не платяты; только обязаны содержать мѣстную администрацію и отбывать почтовую гоньбу. Кромѣ того, они наряжаютъ своихъ людей въ пограничныя караулы, а въ случаѣ войны должны выставять извѣстный контингентъ коннаго войска.

Для упроченія своей власти надъ полудикими номадами Монголіи, Китайцы успѣшно практикуютъ систему задабриванья здѣшнихъ владѣтельныхъ князей и высшаго духовенства. Для первыхъ, смотря по ихъ степени, назначены постоянныя, притомъ довольно значительныя, оклады жалованья; кромѣ того, монгольскіе князья, при обязательныхъ, однажды въ три-четыре года, поѣздкахъ ко двору въ Пекинъ съ подарками (лошади, верблюды) въ видѣ дани, всегда получаютъ отъ богдохана подарки гораздо болѣе цѣнныя; наконецъ, за нѣкоторыхъ изъ важныхъ монгольскихъ князей выдають иногда замужъ принцессъ императорскаго дома. Духовенство въ Монголіи, составляющее большую силу какъ по своему числу, такъ и по безграничному вліянію на народъ, задабривается Китайцами широкимъ обезпеченіемъ его правъ и привилегій, а также искательствомъ, нерѣдко

* Такіе сановники съ большими или меньшими полномочіями находятся въ городахъ Ургѣ, Улаеутаѣ, Кобдо, Калганѣ, Куку-хото и Синцѣ.

** Таковы области *Чень-ду-фу, Цахаръ* и *Гуй-хуа-ченъ* въ юго-восточной Монголіи.

униженнымъ, китайскихъ сановниковъ предъ высшими представителями здѣшней буддистской іерархіи.

Затѣмъ о народѣ Монгольскомъ. Китайцы не прилагаютъ ровно никакихъ заботъ; наоборотъ, въ высшей степени его эксплуатируютъ совмѣстно съ тѣми же князьями и ламами. Въ особенности сильно отозвались на благосостояніи Монголовъ недавнія приготовленія Китайцевъ къ войнѣ съ нами изъ-за Кульджинскаго края. Помимо истребованнаго тогда контингента войскъ, хотя и небольшого, но тѣмъ не менѣе обязаннаго снарядиться на свой счетъ, Китайцы сильно разорили номадовъ произвольными налогами какъ скотомъ, такъ и деньгами; передвиженіемъ солдатъ, для которыхъ доставлялись подводы, а иногда и продовольствіе, транспортировкой черезъ пустыню войсковыхъ тяжестей и частыми переѣздами различныхъ чиновниковъ *. Кроме того, на Монголію въ послѣднее десятилѣтіе обрушились различныя естественныя невзгоды: то засухи лѣтомъ, то слишкомъ холодныя и снѣжныя зимы, результатомъ чего являлись падежи скота въ большихъ размѣрахъ. Вообще номады много теперь обѣднѣли какъ по этой причинѣ, такъ и вслѣдствіе произвола и усиленнаго угнетенія со стороны Китайцевъ. Народная масса въ Монголіи весьма противъ нихъ раздражена, но до поры до времени ей приходится сдерживать и таить свою ненависть.

Надъ Тибетомъ Китайцы устроили свой протекторатъ еще съ XIII вѣка нашей эры, расширили его со времени вступленія на престолъ нынѣшней династіи и упрочили съ конца прошлаго столѣтія. Съ этихъ поръ въ Лхассу назначается

* Китайскіе чиновники, проѣзжая по Монголіи, не только не платятъ прогоновъ за забираемыхъ лошадей и верблюдовъ, но на каждой станціи, смотря по рангу чиновника, Монголы обязаны ему доставлять одного или нѣсколькихъ барановъ, за которыхъ обыкновенно взносятся деньги.

одинъ или два китайскіе (манѣурскіе) резидента, которые завѣдуютъ гражданскими дѣлами всей страны. Кроме того, они наблюдаютъ за дѣйствіями *далай-ламы* и его собрата *тешу-ламы* или *банчинъ-прембучи*, имѣющаго мѣстопробываніе въ городѣ Шигатзе и, какъ извѣстно, представляющаго второе высшее лицо буддистской іерархіи. Въмѣстѣ съ тѣмъ, *тешу-лама* управляетъ собственно провинціей Цань, тогда какъ *далай-лама* непосредственно принадлежитъ провинція Уй и въ то же время онъ считается политическимъ главой всего Тибета. На западѣ этого послѣдняго лежитъ слабо населенная кочевниками провинція Нари-Кхорсумъ, администрація которой назначается изъ Лхассы, а на востокѣ—провинція Кхамъ съ главнымъ городомъ Ча-му-то, гдѣ имѣетъ мѣстопробываніе *хутухта* (важное духовное лицо), завѣдующій управленіемъ этой провинціи въ зависимости отъ *далай-ламы*. Весь же Тибетъ сѣверный представляетъ дикую безлюдную пустыню.

Вмѣстѣ съ резидентами въ Тибетѣ содержится небольшой отрядъ китайскихъ войскъ, расположенныхъ во Лхассѣ и въ нѣкоторыхъ другихъ пунктахъ. Однако главная опора китайскаго владычества въ Тибетѣ зиждется на хитрости и умѣломъ пользованіи престижемъ *далай-ламы*. Его избраніе, хотя и не гласно, но вполне въ китайскихъ рукахъ; утвержденіе же офиціально дѣлается богдоханомъ. Податей Китаю Тибетцы не платятъ, но свое подчиненіе выражаютъ торжественнымъ посольствомъ, которое назначается однажды въ три года или въ пять лѣтъ, отвозить въ Пекинъ подарки богдохану и въ отвѣтъ получаетъ также подарки, обыкновенно болѣе цѣнные.

При мирныхъ склонностяхъ Тибетскаго народа, Китайцы могутъ разчитывать на довольно прочную здѣсь для себя власть, въ особенности зорко поддерживая изолированность какъ всей страны, такъ и самого *далай-ламы* отъ пытливыхъ поползновеній Европейцевъ.

Совершенно въ иныхъ условіяхъ находится китайское владычество въ сопредѣльномъ намъ Восточномъ Туркестанѣ, покоренномъ Китайцами вмѣстѣ съ Чжунгаріей въ началѣ второй половины прошлаго столѣтія. Обѣ названныя страны образовали тогда два округа, * составившіе одно намѣстничество, во главѣ коего стоялъ облеченный высшею гражданскою и военною властью, китайскій (манчжурскій) намѣстникъ, имѣвшій мѣстопребываніе въ городѣ Кульджѣ. Крупную администрацію края составляли также китайскіе чиновники. Ближайшее же управленіе населеніемъ оставлено было въ Восточномъ Туркестанѣ за туземными беками, изъ коихъ главные назначались китайскими властями и утверждались въ своемъ званіи изъ Пекина. Чжунгарія получила военное устройство. Кочевое населеніе въ горахъ управлялось собственными бѣями, въ зависимости отъ Китайцевъ. Послѣ передрагъ и безурядицъ предшествовавшихъ и солутствовавшихъ завоеванію, даже почти поголовнаго избіенія Чжунгаря Китайцами, страна отдохнула и оправилась въ мирный періодъ до 1825 года. Съ этого времени опять начинаются, именно въ Восточномъ Туркестанѣ, столь знакомыя ему смуты, внесенныя попытками *водусей* ** вернуть прежнюю свою власть и изгнать Китайцевъ. Эти смуты, съ перемѣннымъ счастіемъ, какъ для Китайцевъ такъ и для мусульманскихъ претендентовъ, но всегда съ большими бѣдами для народа, тянулись до начала шестидесятыхъ годовъ, когда наконецъ возстаніе Дунганъ сокрушило китайскую власть въ большей части *застынныхъ* владѣній западнаго Китая. Китайцы уничтожены были тогда и въ Восточномъ Туркестанѣ, въ которомъ по обыкновенію наступаютъ междоусобія.

* Тянь-Шань-Наць-Лу (восточный Туркестанъ) и Тянь-Шань-Пе-Лу (Чжунгарія).

** Бывшихъ владѣтелей Восточнаго Туркестана, ведущихъ свой родъ отъ Магомета.

Затѣмъ возникаетъ царство Якубъ-бека, державшееся исключительно личными дарованіями и сильнымъ характеромъ этого послѣдняго. Послѣ его смерти, по многимъ даннымъ наслѣдственной, * тотчасъ начинается борьба законнаго наслѣдника Кашгарскаго престола, старшаго сына Якубъ-бека, Бикъ-кулы-бека, съ правителемъ Аксу, Хакимъ-хань-тюрей, и правителемъ Хотана, Ніязь-бекомъ. Между тѣмъ Китайцы, не долго предъ тѣмъ возвратившіе подъ свою власть отложившіяся части провинціи Гань-су, затѣмъ взявшіе города Манась и Урумчи, два главные пункта при-тянь-шаньскихъ Дунганъ, пользуясь междуусобицей въ Восточномъ Туркестанѣ, безпрепятственно занимаютъ эту страну, вплоть до Кашгара. Оставшійся побѣдителемъ своихъ соперниковъ, Бикъ-кулы-бекъ вынужденъ былъ бѣжать въ наши предѣлы, и эфемерное царство, созданное Якубъ-бекомъ, рушилось.

Занявъ такъ неожиданно удачно Восточный Туркестанъ, Китайцы образовали изъ него попрежнему особую область, которая, вмѣстѣ съ двумя другими, Или и Тарабагатаемъ, къ сѣверу отъ Тянь-Шаня, составила такъ-называемую Новую Линію (Шинь-чжангъ). Административный ея центръ находится въ городѣ Урумчи, гдѣ пребываетъ Китайскій намѣстникъ, въ рукахъ котораго сосредоточена высшая гражданская и военная власть. **

* Туземцы Восточнаго Туркестана многократно увѣряли насъ что Якубъ-бекъ былъ отравленъ въ маѣ 1877 года правителемъ Хотана, Ніязь-бекомъ, подкуленнымъ Китайцами.

** Указомъ богдохана въ концѣ 1884 года повелѣно образовать изъ при-тянь-шаньскихъ земель новую девятнадцатую по счету провинцію подъ именемъ Гань-Су-Синь-Цзянь-Шень съ главнымъ административнымъ центромъ въ городѣ Урумчи. Въ составъ этой провинціи войдутъ: Восточный Туркестанъ и округа Карашарекій, Урумчинскій, Баркульскій и Хамійскій. Управителемъ новаго края назначенъ завѣдующій Новою Линіей сановникъ Лю-дзинь-тань. Вопросъ о двухъ другихъ областяхъ новой линіи, Или и Тарабагатаѣ, повидимому еще не рѣшенъ.

Объ сѣверныя области, то-есть Или и Тарабагатай, осѣдлое населеніе коихъ составляютъ Таранчи, Сарты, Китайцы, Манчжуры и Дунганы, а кочевое — Киргизы, Торгоуты, Чахары и остатки Чжунгарь, имѣють организацію военной колоніи. Въ Восточномъ Туркестанѣ недавно введено гражданское управленіе по образцу внутреннихъ областей Китая. Вся страна раздѣлена на 8 округовъ, изъ коихъ четыре восточные, Карашарь, Куча, Аксу и Учъ - Турфань, образуютъ одну область; другую же составляютъ четыре округа западные — Кашгарь, Янги-Гиссарь, Яркендъ и Хотань. Управленіе областями вѣренно *даотамъ*. * Одинъ изъ нихъ, начальствующій надъ восточными округами, имѣетъ мѣсто-пробываніе въ Аксу; другой, которому подчинены округа западные, живетъ въ Кашгарѣ. Этотъ послѣдній вѣдаетъ также и внѣшнюю торговлю Восточнаго Туркестана.

Начальниками округовъ и уѣздовъ состоятъ также Китайскіе чиновники, въ зависимости отъ коихъ находится мѣстная мусульманская администрація. Болѣе значительные ея представители—хакимъ-беки (уѣздные начальники) нынѣ систематически отстраняются отъ своихъ должностей; такъ что посредниками между китайскими властями и народомъ являются лишь мелкіе, не получающіе отъ казны никакого содержанія, туземные чиновники и переводчики изъ окитаившихся мусульманъ. ** Тѣ и другіе, совмѣстно съ невѣжественными, погрязшими въ наживѣ китайскими чиновниками—огульно отъ низшихъ степеней до высшихъ—отстранили даже тѣнь правды и закона отъ управляемаго ими народа.

* Имъ присвоены нѣкоторыя, впрочемъ болѣе номинальныя, права надъ войсками.

** Въ послѣднее время Китайцы завели въ Восточномъ Туркестанѣ школы для мусульманскихъ мальчиковъ, которыхъ воспитываютъ и обучаютъ по-китайски. Изъ нихъ въ послѣдствіи выйдутъ переводчики и продажные ренегаты.

Хотя для него оставленъ мусульманскій судъ по шаріату, но это только мертвая буква, маска прикрывающая абсолютный произволъ и ужаснѣйшія беззаконія.

Не лучше и податное устройство края. Въ то время какъ кочующіе въ горахъ Киргизы, для обезпеченія ихъ сомнительной вѣрности, освобождены вовсе отъ платы податей въ пользу Китайцевъ и отбываютъ лишь небольшія натуральныя повинности, осѣдлое земледѣльческое населеніе Восточнаго Туркестана несетъ на себѣ всю тяжесть поземельныхъ налоговъ. Эти налоги уплачиваются натурою, иногда деньгами по разцѣнкѣ, не сообразно каждагоднему урожаю, но по разѣ установленной, притомъ весьма высокой, нормѣ съ извѣстнаго количества земли, обрабатывается ли она или нѣтъ, все равно. Лица неимѣющія недвижимой собственности, равно какъ и торговцы, ничего въ казну не платятъ. Земледѣльческій же классъ, сверхъ вышеупомянутой подати, отбываетъ и натуральныя повинности высылкою людей на казенныя работы, доставкою перевозочныхъ средствъ, нарядомъ джигитовъ (разсылныхъ) на службу и пр. При этомъ, какъ и при сборѣ податей, притѣсненія и взяточничество чиновниковъ или переводчиковъ многократно увеличиваютъ тяжесть самихъ повинностей. Наконецъ, единственный косвенный налогъ существовавшій въ Восточномъ Туркестанѣ, такъ называемый *бадъса*, въ размѣрѣ 10% съ цѣны продаваемого скота, Китайцы распространили въ прошломъ году почти на всѣ предметы продаваемые на базарахъ. Такимъ образомъ, наложена новая тяжесть на земледѣльческій классъ который и безъ того уже отдавалъ по крайней мѣрѣ 50% своего дохода на подати, взятки и разныя другія вымогательства. Ко всему этому необходимо прибавить презрительное отношеніе Китайцевъ къ туземцамъ, нигдѣ и никогда не скрываемое. Словомъ, въ Восточномъ Туркестанѣ Китайцы, какъ нарочно, сами отстраняютъ всякую возможность успокоенія народа, слѣдовательно и упроченія своей здѣсь власти.

Помимо причинъ вышеизложенныхъ, ненависть религіозная и, вѣроятно, тайные происки бывшихъ претендентовъ, также не мало вооружаютъ народъ противъ его угнетателей. Недовольство всѣхъ классовъ общества растетъ съ каждымъ днемъ, и нуженъ лишь небольшой благоприятный поводъ, чтобы накопившаяся злоба разрѣшилась всеобщимъ взрывомъ.

Такимъ образомъ, положеніе Китайцевъ какъ въ Монголіи такъ и въ особенности въ Восточномъ Туркестанѣ весьма шаткое. Не умѣя привязать къ себѣ чуждыя народности мирнымъ путемъ культуры и ассимилированія, Китайцы должны опираться свою власть исключительно на хитрой, черезъ край эгоистичной политикѣ, и на силѣ военной. Объ этой послѣдней будетъ разказано ниже, а теперь поведемъ рѣчь о нашемъ положеніи въ той же Центральной Азіи.

V. Престижъ Россіи.

Въ теченіе всѣхъ четырехъ моихъ путешествій въ эту страну мнѣ постоянно приходилось быть свидѣтелемъ высокой симпатіи и уваженія какими пользуется имя русское среди туземцевъ, за исключеніемъ лишь Тибета, гдѣ насъ мало знаютъ. Зато среди другихъ народностей Центральной Азіи, ихъ стремленія къ Россіи достигаютъ чуть не крайнихъ предѣловъ. Номады-Монголы, Дунганы, то-есть китайскіе магометане, и жители Восточнаго Туркестана, въ особенности послѣдніе, только и мечтаютъ какъ бы сдѣлаться подданными Бѣлаго Царя, имя котораго, наравнѣ съ именемъ *далай-ламы*, является въ глазахъ азіятскихъ массъ въ ореолѣ чарующаго могущества. Съ чваніемъ власти русской у тѣхъ же Азіятцевъ сохраняется твердое убѣжденіе что тогда для нихъ наступитъ лучшая и болѣе обезпеченная жизнь. *

* Фактическимъ тому подтвержденіемъ служитъ недавнее выселеніе Таранчей въ наши предѣлы изъ уступленнаго нами Китайцамъ Кульджинскаго края.

Это замѣчательно и весьма важно въ томъ смыслѣ что вѣдь никто и никогда не агитировалъ въ нашу пользу среди народовъ Центральной Азіи: къ такому результату привелъ насъ самый ходъ событій. Невыносимый гнетъ китайской власти, съ одной стороны, а съ другой, постоянные слухи о нашемъ гуманномъ обращеніи съ инородцами нашихъ азіатскихъ окраинъ, вотъ что создало намъ доброе имя въ глубинѣ азіатскихъ пустынь. Въ особенности много помогло намъ въ этомъ отношеніи покореніе Туркестана и водвореніе возможной законности въ странахъ, еще такъ недавно бывшихъ ареною самаго широкаго деспотизма своихъ правителей. Понятно что и жители Туркестана Китайскаго, родственные нашимъ Туркестанцамъ по происхожденію, языку и религіи, но въ концѣ угнетаемые Китайцами, имѣютъ весьма сильные мотивы стремиться къ той же лучшей участи. Затѣмъ Монголы, въ особенности сѣверные, давно уже знающіе Русскихъ со стороны Сибирской границы, тяготеютъ къ Россіи опять таки вслѣдствіе беззаконія и произвола прикитайскомъ господствѣ. Наконецъ, Дунганы, спорадически разбросанные по оазисамъ центральной Азіи и такъ еще недавно испытывшіе всю безплощадность китайскаго звѣрства, да и нынѣ сильно угнетаемые, ждутъ не дождутся Русскихъ какъ своихъ избавителей отъ тѣхъ же Китайцевъ.

Чтобы не быть голословнымъ постараюсь сгруппировать нѣкоторые факты въ подтвержденіе вышесказаннаго.

На предшедшихъ страницахъ было говорено о безотрадномъ положеніи Восточнаго Туркестана подъ китайскимъ владычествомъ. Вопіющія несправедливости, шпіонство, взяточничество, тяжелыя подати, произволь чиновниковъ, словомъ, полное отсутствіе законности въ администраціи и судѣ, вотъ характерныя черты здѣшняго китайскаго управленія. Ни личность, ни имущество туземцевъ не обезпечены; каждый боится за завтрашній день. Невѣжественные китайскіе чиновники, совмѣстно съ переводчиками изъ окитаившихся

мусульманъ, даютъ полный разгулъ своему безчеловѣчю, жадности и скотскимъ страстямъ. Затѣмъ пребываніе китайскихъ войскъ въ краѣ служить не для успокоенія его, но является неизсякаемымъ источникомъ грабежей и всевозможныхъ притѣсненій мѣстнаго населенія. Мы сами бывали свидѣтелями возмущающихъ сценъ произвола, какъ, напримѣръ, отбиранія у туземцевъ не только китайскими чиновниками, но даже ихъ слугами, послѣдняго скота, или какого-либо другаго имущества, насиліованія женъ и дочерей чуть не на глазахъ ихъ родныхъ, тѣлеснаго наказанія женщинъ, открытаго грабежа солдатъ и пр. Въ то же время все земледѣльческое населеніе страны обложено непомѣрными податями, которыя взыскиваются безпощадно.

Понятно что какъ ни кротки по своему характеру жители Восточнаго Туркестана, они все-таки не могутъ мириться съ подобнымъ положеніемъ. Ненавистью къ Китайцамъ пропитаны здѣсь все слои населенія, даже женщины, которыя не одинъ разъ укоряли при насъ мужей и братьевъ въ ихъ трусости относительно своихъ мучителей. Элементы возстанія собраны въ Восточномъ Туркестанѣ черезъ край, но, какъ неоднократно говорили намъ сами туземцы, „у нихъ нѣтъ головы, общаго руководителя“. Въ прежнія времена такія личности являлись обыкновенно изъ сосѣдняго Коканскаго ханства, но тамъ нынѣ водворена власть русская. Притомъ же разбѣдиненность оазисовъ Восточнаго Туркестана, какъ относительно ихъ географическаго положенія такъ и политической жизни, представляетъ несчастнымъ туземцамъ въ перспективѣ даже самаго лучшаго исхода возстанія, то-есть при полномъ уничтоженіи китайской власти, мало отрадную картину деспотическаго господства разныхъ политическихъ проходивцевъ и неминуемыя междоусобія, словомъ, тѣ же бѣдствія, только съ иною приправою. Но среди этого безотраднaго хаоса въ настоящемъ и будущемъ, пробивается для злосчастныхъ страдальцевъ свѣтлый лучъ надежды на

Россію, тѣмъ болѣе что у всѣхъ передъ глазами живой примѣръ нашего Туркестана, гдѣ власть русская въ самый короткій срокъ явилась залогомъ спокойствія и благоденствія. Вотъ почему жители Восточнаго Туркестана, во всѣхъ городахъ и оазисахъ, день и ночь мечтають о томъ какъ бы сдѣлаться русскими подданными. Въ недавнее путешествіе я убѣждался въ этомъ на каждомъ шагѣ. Всюду, несмотря на китайскія запрещенія, обитатели оазисовъ Восточнаго Туркестана старались намъ услужить чѣмъ бы то ни было, всюду встрѣчали насъ какъ дорогихъ, желанныхъ гостей. При этомъ открыто высказывали свою ненависть къ Китайцамъ и искреннее желаніе стать подъ скипетръ Бѣлаго Царя. Мѣстами доходило до того что мусульманскіе старшины просили меня отдать имъ приказаніе нынѣ же истребить Китайцевъ. Про наше путешествіе тѣ же мусульмане говорили что „теперь насъ Бѣлый Царь принимаетъ“ и смотрѣли на это событіе какъ на подтвержденіе сильно распространеннаго въ Восточномъ Туркестанѣ предсказанія какого-то святаго что въ недалекомъ будущемъ страну эту покорятъ Русскіе. „Вамъ стоить только дунуть, и Китайцевъ здѣсь не будетъ“, убѣждали насъ туземцы. „Русскимъ даже мало воевать придется“, добавляли они: „мы возстанемъ поголовно и сами истребимъ своихъ угнетателей, лишь бы послѣ того насъ не бросили на произволь судьбы“.*

Кочевое населеніе (Киргизы) Восточнаго Туркестана, обитающее въ горахъ окружающихъ съ запада Таримскую котловину, болѣе индифферентно, по словамъ лицъ спеціально съ этимъ населеніемъ знакомыхъ, къ китайскому владычеству,

* Такое опасеніе закрадывается въ виду уступки нами Кульджи Китайцамъ. Эти послѣдніе ловко эксплуатируютъ фактъ своего безкровнаго приобрѣтенія, увѣряя туземцевъ Центральной Азіи будто Русскіе такъ бѣдны и жадны на деньги что продають обратно свои завоеванія.

ибо освобождено отъ платы податей и вообще живетъ гораздо вольнѣе; но и это населеніе едва ли будетъ дѣятельно защищать Китайцевъ. Гораздо вѣрнѣе что въ случаѣ войны оно воспользуется возможностью пограбить кого бы то ни было и, уступая силѣ, достаточно равнодушно отнесется къ перемѣнѣ подданства китайскаго на такую же зависимость хотя бы отъ Россіи. *

Подобно жителямъ Восточнаго Туркестана, Дунганы, ** спорадически обитающіе какъ въ оазисахъ Центральной Азіи, такъ и въ провинціяхъ собственнаго Китая, въ особенности въ Гань-су и Шень-си, *** одушевлены ненавистью къ Китайцамъ, во первыхъ, вслѣдствіе своей религіозной розни, а затѣмъ, вслѣдствіе беззаконій и притѣсненій китайской администраціи. † Въ особенности

* Конечно, для необузданныхъ кочевниковъ прочная русская власть будетъ непріятнѣе слабой китайской. До сихъ поръ наши Кара-Киргизы, кочующіе въ Тянь-Шанѣ, вспоминая о прежнихъ своихъ походахъ, подгулявши поютъ: „О русскій богатырь, связалъ ты наши руки; развяжи ихъ хотя на время.“

** О происхожденіи Дунганъ или, какъ ихъ называютъ Китайцы, Хой-хой въ точности неизвѣстно. Иные оріенталисты производятъ ихъ отъ Уйгуровъ, нѣкогда властвовавшихъ въ значительной части Центральной Азіи; сами же Дунганы нерѣдко считаютъ себя потомками Арабовъ. Всѣ Дунганы магометане. Языкъ у нихъ китайскій. По наружному типу нынѣ мало отличаются отъ Китайцевъ, но гораздо энергичнѣе и честнѣе этихъ послѣднихъ, вообще лучше какъ люди.

*** Кромѣ того, магометанъ довольно много въ Шань-си, Чжи-ли, Юнань и частію Сычуань. Въ самомъ Пекинѣ ихъ считается до 20.000 семействъ. Спорадически магометане разбросаны также и по восточнымъ провинціямъ Китая. Общее число всѣхъ этихъ магометанъ неизвѣстно. Полагаютъ что въ одномъ Сѣверномъ Китаѣ ихъ до четырехъ милліоновъ.

† Въ особенности послѣ подавленія недавней магометанской инсуррекціи. Ранѣе ея положеніе магометанъ въ Китаѣ было гораздо

сильна эта ненависть среди Дунганъ при-тянь-шаньскихъ (Шихо, Манасъ, Урумчи и др.) и при-нань-шаньскихъ (Сучжоу, Гань-чжоу и др.) оазисовъ, какъ равно и во всей провинціи Гань-су. Путешествуя здѣсь неоднократно въ окрестностяхъ города Синина, гдѣ скучены магометане, мы постоянно слышали отъ нихъ горькія жалобы на невыносимый гнетъ китайской власти. Избавиться отъ нея нынѣ самимъ Дунганамъ, ослабленнымъ недавно продолжительною борьбой и мѣстами поголовнымъ избіеніемъ, рѣшительно невозможно безъ посторонней помощи. Всякая попытка въ этомъ родѣ приведетъ еще къ худшимъ бѣдствіямъ. Вотъ почему Дунганы смотрятъ на сосѣднюю Россію какъ на возможную свою избавительницу, или по крайней мѣрѣ союзницу въ борьбѣ противъ Китайцевъ. Можно смѣло ручаться что въ случаѣ войны нашей съ Китаемъ мы найдемъ самыхъ надежныхъ сподвижниковъ въ Дунганахъ. Уже и теперь Дунганы неоднократно насъ спрашивали: „скоро ли Русскіе станутъ воевать съ Китаемъ?“ а затѣмъ добавляли: „пусть къ намъ придетъ хотя одна сотня Русскихъ, сію же минуту мы возстанемъ поголовно противъ Китайцевъ“. Тѣ же самыя рѣчи слышали мы и отъ солдатъ-магометанъ, составляющихъ значительную часть китайскихъ войскъ въ Восточномъ Туркестанѣ. Весьма вѣроятно что подобная къ намъ симпатія, быть-можетъ только въ меньшей степени, существуетъ и въ сѣверныхъ провинціяхъ Китая среди тамошнихъ магометанъ. Хотя положеніе ихъ лучше, но все же религіозный фанатизмъ и сочувствіе къ страданіямъ своихъ западныхъ собратьевъ дѣлають этихъ магометанъ скрытыми, до поры до времени, врагами Китайцевъ.

лучше. Тѣмъ не менѣе въ послѣдніе три вѣка они трижды производили крупныя возстанія противъ Китая: при паденіи Миньской династіе, затѣмъ сто лѣтъ спустя и наконецъ еще черезъ сто лѣтъ, уже въ наши времена.

Монголы, въ особенности сѣверные, достаточно знакомые съ Русскими, какъ съ сосѣдями по границѣ, въ свою очередь также очень не долюбливаютъ Китайцевъ и, наоборотъ, весьма къ намъ расположены. Этому причиной главнымъ образомъ то обстоятельство что Китайцы, подчинивъ себѣ Монголію, для упроченія здѣсь своего владычества, какъ было выше говорено, стараются привлечь на свою сторону различными льготами владѣтельныхъ князей и высшее духовенство, вовсе не заботясь объ остальномъ народѣ. На немъ слѣдовательно лежитъ двойное ярмо произвола собственныхъ правителей и китайскихъ властей, съ добавленіемъ къ тому и другому всевозможныхъ поборовъ духовенства.

Правда, относительно этого послѣдняго номады, какъ истые буддисты, особыхъ жалобъ не заявляютъ; но далеко не такъ равнодушно смотрятъ они на китайское владычество и на китайскія беззаконія. Тѣмъ болѣе что у Монголовъ еще не угасли воспоминанія о прежней самостоятельной жизни и прежнихъ подвигахъ; * безлокойный духъ номада также манитъ его къ новизнѣ. Съ другой стороны номады инстинктивно сознаютъ что самостоятельная жизнь, какъ отдѣльнаго государства, нынѣ для нихъ невозможна, и что необходимо подчиниться кому-либо изъ сильныхъ сосѣдей. Но испытавъ уже всѣ бѣдствія китайскаго владычества и выбирая изъ двухъ золъ меньшее, Монголы тяготеютъ къ Россіи, ибо надѣются найти лодъ скипетромъ Бѣлаго Царя, о которомъ слышатъ какъ о полу-богѣ, болѣе милосердное и справедливое управленіе. Таково по крайней мѣрѣ настроеніе сѣверныхъ Монголовъ, то-есть Халхасцевъ **. Монголы же южные—

* Въ такомъ духѣ легенды нерѣдко можно слышать въ Монголіи и между прочимъ разказъ о предстоящемъ воскресеніи Чингисъ-хана.

** Во время нашего перехода черезъ пустыню Гоби изъ Ала-Шаня на Ургу осенью 1880 года, когда Китайцы готовились воевать съ нами изъ-за Кульджи, Монголы-Халхасцы постоянно намъ говорили

Алашаньцы, Суниты, Уроты, Тумыты, Чахары и др., какъ болѣе окитаившіеся и болѣе отъ нашихъ предѣловъ удаленные, мнѣ кажется, отнесутся одинаково равнодушно какъ къ намъ такъ и къ Китайцамъ, и въ случаѣ нашего столкновенія съ Китаемъ, будутъ на той сторонѣ которая возьметъ перевѣсъ.

VI. О войскахъ китайскихъ.

Теперь поговоримъ о войскахъ китайскихъ, которыя во время путешествій мнѣ приходилось многократно видѣть не на парадахъ или смотрахъ, но въ будничной обстановкѣ ихъ повседневной жизни, слѣдовательно безо всякихъ прикрасъ и подмалевокъ.

Начну съ того что свѣдѣнія которыя получаютъ на счетъ китайской арміи и въ большинствѣ случаевъ толкуютъ о ея быстрыхъ успѣхахъ въ военномъ образованіи, болѣе или мене преувеличены *. Незнаніе китайскаго языка спеціалистами военного дѣла, замкнутость самихъ Китайцевъ, ихъ большое умѣнье „втирать очки въ глаза“ ненавистнымъ чужеземцамъ, наконецъ, въ лучшемъ случаѣ, процѣживаніе доставляемыхъ о китайской арміи свѣдѣній сквозь фильтръ европейскихъ

что они никогда не станутъ драться съ Русскими, наоборотъ, по объявленіи войны перейдутъ на нашу сторону. Иные даже собирались перекочевать на Сѣверъ отъ Урги, разчитывая что мы скоро займемъ этотъ священнѣйшій монгольскій горель.

* Да притомъ весьма сбивчивы, а иногда прямо одно другому противорѣчивы. Причина этого много заключается въ томъ что всѣ военныя реформы въ Китаѣ не имѣютъ цѣльнаго характера, общаго плана. То или другое рѣшеніе всегда зависитъ отъ отдѣльных личностей и вліяній ихъ партій. Въ результатъ получается достаточно хорошихъ проектовъ, но мало толковаго ихъ исполненія на дѣлѣ.

инструкторовъ, прямо заинтересованныхъ и навѣрное небезпристрастныхъ въ этомъ дѣлѣ, вотъ тѣ данныя на которыхъ можно основать такое мнѣніе. Правда, въ Китаѣ нынѣ устроены, подъ руководствомъ Европейцевъ, лучечные, оружейные и пороховые заводы, сооружены береговыя укрѣпленія, заведенъ паровой и даже броненосный флотъ; но все это въ большинствѣ случаевъ не удовлетворяетъ даже посредственнымъ требованіямъ. * Притомъ же, исключительное развитіе технической стороны военнаго дѣла еще не обуславливаетъ прогресса боевыхъ качествъ самого солдата. Между тѣмъ, именно на этомъ фундаментѣ зиждется, какъ извѣстно, весь духъ арміи, ея бѣльшая или меньшая способность бороться со врагомъ. Въ прирожденной храбрости воина, его выносливости и дисциплинѣ, таится корень побѣды. Всего этого очень мало или часто вовсе нѣтъ у солдата китайскаго, ** ибо каждый Китаецъ трусливъ по самой своей природѣ, привязанъ болѣе всего на свѣтѣ къ спокойной жизни у домашняго очага, физически менѣе крѣпокъ чѣмъ Европеецъ и при крайнемъ эгоизмѣ мало способенъ прочно дисциплинироваться. При томъ, солдаты въ армію китайскую поступаютъ или по наслѣдству, или набираются вербовкою, *** иногда даже наслѣд-

* Въ издаваемомъ въ Берлинѣ *Ежегодникъ* полковника Лебеля (*Jahresberichte über die Veränderungen und Fortschritte im Militärwesen*) за 1885 годъ читаемъ: „Китайская выдѣлка артиллерійскихъ снарядовъ весьма неудовлетворительна. Береговыя укрѣпленія (на рѣкѣ Минъ и противъ Келунга) оказались въ послѣднюю войну съ Французами никуда не годными. Флотъ китайскій во время Тонкинской экспедиціи еще менѣе армію удовлетворялъ возлагавшимся на него ожиданіямъ.“ Тамъ дѣйствіе эти свѣдѣнія что они исходятъ отъ Нѣмцевъ, составляющихъ, какъ извѣстно, нынѣ главный контингентъ ивоземныхъ инструкторовъ китайской арміи.

** Китайскій солдатъ задоренъ и иногда равнодушенъ къ смерти, но не храбръ въ смыслѣ активнаго проявленія этого качества.

*** Извѣстно что армія китайская состоитъ изъ двухъ главныхъ

ственною, обыкновенно изъ подонковъ общества; слѣдовательно, въ огромномъ большинствѣ случаевъ и какъ люди не представляютъ никакихъ нравственныхъ гарантій.

Не въ лучшемъ свѣтѣ являются китайскіе офицеры какъ

частей: манчжурскихъ войскъ и войскъ національныхъ. Первые состоятъ изъ потомковъ тѣхъ завоевателей (Манчжуровъ съ примѣсю Монголовъ и Китайцевъ) которые въ половинѣ XVII столѣтія возвели на престолъ Китая нынѣ царствующую династію Цзинь. Въ награду имъ были отведены земли въ Пекинѣ и другихъ мѣстахъ (нынѣ въ десяти провинціяхъ) имперіи; военное званіе сдѣлано наслѣдственнымъ, не исключая и низшихъ офицерскихъ должностей. Эти поселенныя манчжурскія войска, составляющія до сего времени опору престола, раздѣляются на 8 знаменъ или корпусовъ подъ командою собственныхъ начальниковъ и выставляютъ на службу, по списочному составу (въ дѣйствительности гораздо менѣе), 230.000 человекъ. Национальная китайская армія состоитъ изъ войскъ Зеленаго знамени (*лу-инъ*) и отдѣльно вербовочныхъ частей (*юнъ*). Тѣ и другія набираются изъ природныхъ Китайцевъ, послѣднія—всегда вербовкою за деньги, нерѣдко насильственною. Сообразно раздѣленію имперіи на 18 провинцій, войска Зеленаго знамени раздѣляются на 18 корпусовъ и находятся въ полномъ подчиненіи мѣстнымъ генералъ-губернаторамъ или губернаторамъ. Въ мирное время несутъ полицейскую и почтовую службу. Списочный ихъ составъ—650.000; въ дѣйствительности по всему вѣроятію гораздо меньше.

Спеціально вербовочныя части (*юнъ*) набираются лишь въ случаѣ нужды. Онѣ составляютъ нововведеніе со временъ возстанія Тайпинговъ. Нынѣшнюю численность этихъ войскъ полагаютъ во 100.000 человекъ. Вмѣстѣ съ провинціальными войсками Зеленаго знамени вербовочныя части (*юнъ*) доставляютъ главный контингентъ для реорганизуемыхъ китайскихъ отрядовъ. Наконецъ, къ арміи китайской относятся контингенты монгольской кавалеріи и другихъ инородцевъ. Въ этихъ иррегулярныхъ войскахъ считается болѣе 200.000 человекъ; на дѣль же едва ли наберется и десятая часть такой цифры.

Народная поговорка въ Китаѣ гласитъ: „Изъ хорошаго желѣза не дѣлаютъ гвоздей; изъ честныхъ людей не дѣлаютъ солдатъ.“

низшихъ такъ и высшихъ степеней. Тѣ и другіе не имѣютъ никакого военнаго образованія *, въ большинствѣ случаевъ круглые невѣжды **, да притомъ какъ начальники, они

* Котораго, собственно говоря, и нѣтъ въ Китаѣ. Классическія военныя сочиненія, составляющія до сихъ поръ основу китайскаго военнаго искусства, написаны еще въ глубокой древности, старѣйшее около тридцати вѣковъ тому назадъ. Наибольшимъ авторитетомъ пользуется сочиненіе Сунъ-дзе. Въ немъ, рядомъ со здравыми истинами военнаго дѣла, встрѣчаются наивнѣйшіе совѣты, какъ на примѣръ: „Завлеку противника въ постыдные поступки.“ „Поддерживай сношеніе со всѣми развратниками его стана.“ „Распространи въ лагерь непріятеля мотивы сладострастной музыки чтобы смягчить сердца.“ „Смотри ртомъ, говори глазами.“ „Безлощадно казни тѣхъ кто выдастъ планъ войны и тѣхъ кому эта тайна станетъ известна; послѣдніе не виноваты, но они могутъ сдѣлаться виноватыми“ и т. п. Вообще, по китайскимъ понятіямъ, въ военномъ дѣлѣ слѣдуетъ гораздо болѣе разчитывать на хитрость и обманъ чѣмъ на самыя военныя дѣйствія, поэтому полководецъ прежде всего долженъ быть дипломатомъ. Впрочемъ, теперь переведено съ нѣмецкаго языка на китайскій нѣсколько военныхъ руководствъ, по всему вѣроятію, игнорируемыхъ Китайцами; притомъ, для пониманія этихъ сочиненій нужна соответственная подготовка, а ее-то и нѣтъ.

** Для полученія права на занятіе офицерскихъ должностей, молодые люди записавшіеся въ кандидаты и снарядившіеся на свой счетъ, испытываются въ стрѣльбѣ изъ лука, фехтованіи саблей и поднятіи тяжестей; другихъ знаній не требуется. Выдержавшіе трижды (въ своемъ округѣ, въ уѣздномъ городѣ и наконецъ въ провинціальному) подобный экзамень, получаютъ искомое званіе. Наиболѣе отличившіеся отправляются однажды въ три года въ Пекинъ, и тамъ, въ присутствіи богдохана, производятъ подобное же состязаніе, открывающее имъ штабныя мѣста. Для морскихъ офицеровъ, вмѣсто знакомства съ предметами ихъ специальности, требуется лишь искусная стрѣльба изъ лука. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, для образованія офицеровъ, заведена военная школа въ Пекинѣ, а въ Тяньцзинѣ—школы артиллерійская и пѣхотная стрѣлковая. Но по отзыву одного изъ состоящихъ на китайской службѣ европейскаго офицера,

способны только растлѣвать, а никакъ не улучшать нравственную сторону своихъ подчиненныхъ. Поголовное куреніе опиума, обворовываніе казны и солдатъ, развратная жизнь, полное равнодушіе къ своему дѣлу, вотъ тѣ качества которыя характеризуютъ какъ младшихъ такъ и старшихъ военачальниковъ китайской арміи. При этомъ нужно замѣтить что на высшія военныя должности часто назначаются лица изъ гражданскихъ чиновниковъ. * Что же касается европейскихъ инструкторовъ, въ послѣднее время такъ усердно наполняющихъ китайскую армію, конечно прежде всего ради личныхъ выгодъ, то ихъ усилія въ виду вышеуказанныхъ причинъ едва ли увѣнчаются прочными результатами. ** Тѣмъ болѣе что Китайцы терпятъ до поры до времени подобныхъ инструкторовъ только какъ необходимое зло и съ исключительною дѣлюю обезпеченія своей самобытности отъ тѣхъ же иностранцевъ.

Ко всему этому слѣдуетъ прибавить что политическія соображенія нынѣшняго манчжурскаго правительства, лишь

не такъ давно инспектировавшаго эти школы, „въ нихъ не были достигнуты желаемые результаты“.

* Дѣлается это въ тѣхъ видахъ что для полученія гражданскихъ чиновъ въ Китаѣ необходимъ извѣстный образовательный цензъ; тогда какъ для званія офицера нужна лишь ловкость и сила физическая. Отсюда Китайцы заключаютъ что гражданскіе чиновники больше читаютъ и знаютъ о войнахъ чѣмъ малообразованные офицеры.

** Когда знаменитый побѣдитель Тайпинговъ, Англичанинъ Гордонъ, недавно убитый въ Хартумѣ, былъ снова вызванъ въ восьмидесятыхъ годахъ въ Пекинъ для подавія совѣтовъ относительно войны съ нами изъ-за Кульджи, то послѣ тринадцатилѣтняго отсутствія изъ Китая онъ сильно разочаровался въ преусловіяніи, особенно въ правдивости того что читалъ и слышалъ на этотъ счетъ. Въ дѣйствительности Гордонъ встрѣтилъ „тотъ же старый Китай, только покрытый тонкимъ слоемъ лака“.

силой и хитростью держащагося на престолѣ Китая, не позволяютъ ему широко развити національное войско и чрезъ то создать оласный противовѣсь своему владычеству. * Наконецъ, извѣстно также что военное званіе въ Китаѣ презирается всѣми классами общества.

Такимъ образомъ, три главные фактора — прирожденная негодность самого народа къ военному дѣлу, преданія старины и эгоистическіе виды правительства ставятъ въ Китаѣ новую великую стѣну для преуспѣванія арміи **. Разрушить столь вѣскія преловы, тѣмъ болѣе въ короткій срокъ, не только трудно, но и невозможно. Прогрессъ вездѣ съ трудомъ прокладываетъ себѣ путь, а въ Китаѣ ему всего вѣроятнѣе и вовсе не протолкаться. Народная жизнь здѣсь слыхкомъ прочно и исключительно сложилась въ теченіе сорока вѣковъ. Выхоленные ростки европейской цивилизаціи не примутся какъ слѣдуетъ на столь закоружлой почвѣ.

* Въ такихъ видахъ былъ распущенъ отрядъ (около 5.000 человекъ, въ томъ числѣ нѣсколько сотъ иностранцевъ) Гордона, тотчасъ по усмиреніи возстанія Тайпинговъ въ 1867 году. Въ 1871 году наиболѣе дѣльные китайскіе генералы Ли-хунъ-чанъ и Цзо-цзунъ-танъ предлагали, взамѣнъ разбросанныхъ по странѣ территоріальныхъ корпусовъ, сосредоточить возлѣ Пекина одну сильную армію, но правительство побоялось этого и сохранило прежнее распредѣленіе войскъ.

** Въ настоящее время солидной реорганизаціи подвергся лишь такъ-называемый „Образцовый корпусъ“ Ли-хунъ-чана, который расположенъ лагерями отъ Тяньцзина до берега моря. Въ этомъ корпусѣ вводится прусскій уставъ. Пѣхота вооружена ружьями новѣйшихъ системъ. Артиллерія, полевая и горная, состоитъ изъ заряжающихся съ казны Крулловскихъ орудій. Кавалерія, за исключеніемъ вооруженія, находится въ первобытномъ состояніи, отъ нея требуются лишь акробатическіе фокусы. Инженерныхъ войскъ нѣтъ вовсе.

Другія, не реорганизованныя, но получившія новое вооруженіе (ружья Винчестера, Ремингтона, Энфильда, Слайдера, Маузера,

Прогрессъ же военный, какъ часть общаго развитія всего государственнаго организма, можетъ прочно идти лишь не особенно опережая другія стороны народной жизни, иначе онъ будетъ лишень силы внутренней. Вотъ почему Китай при современномъ своемъ состояніи, да вѣроятно и впредь еще надолго, не можетъ создать армію подобную арміямъ государствъ европейскихъ. Нѣтъ для этого пригоднаго матеріала, нѣтъ оживляющаго духа. Пусть сколько угодно доставятъ Европейцы Китайцамъ оружія, пусть нявчатся безъ передышки съ китайскими солдатами; пусть даже дадутъ имъ своихъ командировъ, все-таки армія китайская, даже въ лучшемъ случаѣ, будетъ искусственно-созданный, механически-связанный и непрочный организмъ. Въ минуты тяжелыхъ испытаній серіозной войны, такая армія скоро расклеится и никогда не побѣдитъ сильнаго духомъ соперника.*

Альбины, Гокчиса, Шасло и др.) части китайской арміи расположены въ Пекинѣ, въ Манчжуріи, въ важныхъ приморскихъ и другихъ пунктахъ имперіи и частью на Новой Линіи. Общая численность этихъ войскъ неизвѣстна. Во всякомъ случаѣ, ихъ несравненно меньше чѣмъ старыхъ войскъ, въ которыхъ прежнее обученіе и вооруженіе не измѣнены. Притомъ и въ новыхъ войскахъ старые обычаи не забываются, такъ что стрѣльба изъ луковъ продолжаетъ быть обязательною. Случается что начальники частей обучаютъ своихъ солдатъ внутри казармъ обращенію съ новыми ружьями, а на показъ народу выводятъ съ луками и пиками.

Военный китайскій флотъ предъ началомъ Тонкинской кампаніи состоялъ изъ сорока девяти паровыхъ судовъ съ двумя стами восьмьюдесятью шестью орудіями. Однако на морѣ Китайцы оказались еще хуже чѣмъ при сухопутныхъ дѣйствіяхъ.

* Правда, побѣдить Китай теперь труднѣе чѣмъ прежде. Но все-таки недавняя война въ Тонкинѣ показала, какъ мало способны даже реорганизованныя китайскія войска къ толковымъ военнымъ дѣйствіямъ. Хотя Французы потерпѣли въ продолженіе кампаніи нѣсколько неудачъ, но эти неудачи завистливи всего болѣе отъ плохаго

Посмотримъ теперь на пограничныя намъ китайскія войска, находящіяся на Новой Ливіи, то-есть въ Восточномъ Туркестанѣ и Чжунгаріи.

выбора театра войны и отъ промаховъ со стороны самихъ Французовъ. Прежде всего—Тонкинъ самое невыгодное и безцѣльное мѣсто для военныхъ операцій противъ Китая, ибо удаленъ на двѣ тысячи верстъ отъ Пекина, гдѣ только и можетъ быть нанесенъ серьезный ударъ сильною своею пассивностью непріятелю. Затѣмъ, Тонкинъ страна крайне невыгодная для военныхъ дѣйствій, такъ какъ въ лучшихъ своихъ мѣстахъ густо покрытъ, подобно собственному Китаю, деревьями и фермами, въ промежуткахъ между коими лежатъ поля, изрѣзанные оросительными канавами. Мѣстность на каждомъ шагу даетъ превосходныя оборонительныя позиціи и маскируетъ расположеніе непріятеля. Хорошія рекогносцировки въ лабиринтѣ сплошнаго населенія были почти невозможны. Лазутчики изъ туземцовъ, по всему вѣроятію, болѣе служили своимъ чѣмъ Французамъ. Переводчиковъ для сношеній съ жителями было мало, да притомъ одна виѣшность Европейца уже изолировала его среди туземцевъ. Климатъ страны—убійственный. Наконецъ, французскій десантъ состоялъ лишь изъ 25.000 человекъ, въ добавокъ посланныхъ не сразу и не обильно снабженныхъ боевыми припасами. При всемъ томъ, что же вышло? Хотя Французы въ нѣсколькихъ мелкихъ стычкахъ, а затѣмъ въ болѣе крупномъ дѣлѣ подъ Лангъ-Сономъ понесли неудачу, но Китайцы не сумѣли воспользоваться своею побѣдой и своимъ громаднымъ численнымъ превосходствомъ (въ Тонкинѣ дѣйствовало 70.000 китайскихъ войскъ кромѣ Анамитовъ и Черныхъ Флаговъ). Успѣхъ кампаніи все-таки остался за Французами. Возможно ли что-либо подобное еслибы такой маленькій десантъ, имѣвшій притомъ базу на другомъ концѣ свѣта, высадился въ какомъ-нибудь даже небольшомъ государствѣ Европы? Разумѣется, онъ былъ бы раздавленъ какъ мышенокъ.

Не безынтересно привести здѣсь нѣсколько выдержекъ изъ небольшой статьи „Тактика Китайцевъ въ Тонкинѣ“, помѣщенной въ *Journal des Sciences Militaires*, Mars, 1885, характеризующихъ боевыя качества новыхъ китайскихъ войскъ:

„Китайскія войска были хорошо вооружены, но имѣли дурныхъ предводителей и не отличались воинственнымъ духомъ.

Эта армія представляет наглядный образец истиннаго состоянія китайскихъ войскъ и ихъ прирожденныхъ качествъ, не маскируемыхъ исключительно опекой (возможно лишь надъ небольшими сравнительно частями и притомъ въ мирное время), въ какой нынѣ находится „образцовый корпусъ“ Ли-Хунь-Чана. Если войны китайскіе, о которыхъ теперь пойдетъ рѣчь, подавили возстаніе Дунганъ и завоевали Восточный Туркестанъ, то эти успѣхи обусловливались прежде всего неумѣлыми и разрозненными дѣйствіями инсургентовъ, а затѣмъ междусобіями возникшими въ Кашгаріи по смерти Якубъ-бека. Въ томъ и другомъ случаяхъ побѣдные лавры доставались Китайцамъ слишкомъ

„Китайцы переходятъ въ наступленіе лишь при громадномъ перевѣсѣ въ силахъ. При наступленіи они не опасны. За закрытіями защищаются упорно; очень любятъ засады.

„Артиллерія дурно стрѣляетъ; въ укрѣпленіяхъ амбразуры такъ малы что не даютъ обстрѣла, а иногда даже закрыты заслономъ. За недостаткомъ снарядовъ орудія стрѣляютъ холостыми зарядами и ночью.

„Изъ-за закрытіи ружейный огонь Китайцевъ хорошъ.

„Китайскія войска, даже самыя обстрѣленные изъ нихъ, легко переходятъ въ замѣшательство; въ открытомъ полѣ они никогда не выдерживаютъ атаки.

„Отборныя войска выказывали иногда большую стойкость за закрытіями.

„Въ командномъ отношеніи царилъ полный разладъ.

„Отдѣльныя части нерѣдко дрались между собою.

„Войска съ границъ Кашгаріи отказались принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ происходившихъ въ Тонкинѣ.“

Въ Монголіи, близъ нашей границы, Китайцы содержатъ лишь небольшіе отряды въ Ургѣ, Улясутѣ и Кобдо; на пограничные караулы наряжаются Монголы. Наоборотъ въ Манчжуріи, въ соседствѣ нашего Амурскаго края, численность китайскихъ войскъ значительна, и ихъ главнымъ опорнымъ пунктомъ служить городъ Гиринъ на рѣкѣ Сунгаріи.

дешево, * благодаря стечению выгодныхъ обстоятельствъ и малой годности противника къ настоящей войнѣ.

Расположенныя на Новой Линіи и по восточно-тянь-шаньскимъ оазисамъ, войска китайскія раздѣляются, какъ и въ собственномъ Китаѣ, на: 1) знаменныя манчжурскія, которыхъ впрочемъ немного; 2) войска Зеленаго знамени (*лу-инг*); 3) вербовочныя (*юнг*), и 4) милицію ивородцевъ. ** Численность всѣхъ этихъ войскъ съ точностью узнать невозможно. По многимъ же даннымъ, общая ихъ цифра не превосходитъ нынѣ 15—17 тыс. человекъ. Изъ этого числа 4—5 тыс. расположены въ Восточномъ Туркестанѣ, около четырехъ тыс. находятся въ Илійской провинціи, главнымъ образомъ въ долину рѣки Или; около 3.000 стоятъ въ провинціи Тарабагатай; наконецъ, быть-можетъ 4—5.000 раскиданы по оазисамъ восточнаго Тянь-Шаня отъ Манаса и Урумчи до Хами включительно. Главнокомандующимъ этою арміею состоитъ намѣстникъ при-Тянь-Шаньскаго края, саповникъ Лю-дзицъ-танъ или Лю-шао-дарынъ. Ему подчинены командиры войскъ во всѣхъ трехъ областяхъ Новой Линіи. *** Изъ нихъ илійскій цзянь-цзюнь считается старшимъ и помощникомъ главнокомандующаго.

Боевую и административную единицу въ описываемыхъ

* Въ китайской арміи строго воспрещается всѣмъ чинамъ переписываться во время войны съ кѣмъ бы то ни было на родинѣ. Вслѣдствіе этого, равно какъ и отсутствія какого-либо другаго контроля, военачальники могутъ сообщить Пекинскому правительству только то что признаютъ удобнымъ и нерѣдко доносятъ о небывалыхъ своихъ побѣдахъ. Такъ было и при нынѣшнемъ занятіи Китайцами Восточнаго Туркестана.

** По роду оружія тѣ же войска раздѣляются: на пѣхоту (*бу-дуй*) кавалерію (*ма-дуй*) и артиллерію (*пау-бинг*).

*** Въ Или и Тарабагатаѣ, въ рукахъ командующихъ войсками (цзянь-цзюня и амбана) сосредоточено также и гражданское управленіе края.

войскахъ, какъ и во всей китайской арміи, составляютъ *лянза* (въ манчжурскихъ войскахъ *чи*), которая по списочному составу должна имѣть въ пѣхотѣ 500, а въ кавалеріи 250 человекъ. Въ наличности же рѣдко когда наберется и половина штатнаго числа людей. Каждая *лянза* состоитъ подъ командой *ингуаня* и носить его имя; раздѣляется на пять ротъ, а въ кавалеріи на столько же сотенъ; тѣ и другія разчитываются на взводы и по десяткамъ. Изъ офицеровъ въ *лянзѣ*, кромѣ *ингуаня*, состоитъ его помощникъ и пять ротныхъ или эскадронныхъ командировъ съ ихъ помощниками; кромѣ того, нѣсколько чиновниковъ для письменныхъ завѣстій. Въ болѣе крупныя постоянныя боевыя единицы *лянзы* не соединяются. Въ случаѣ же надобности большее или меньшее число *лянзъ* подчиняются одному командиру, который носитъ званіе *тунъ-линъ*, если командуетъ нѣсколькими *лянза-ми*, и *зунгъ-тунъ*, если подъ его командой находятся болѣе двадцати *лянзъ*, или всѣ войска отдѣльной области. Артиллерія не формируетъ батарей, хотя и существуютъ артиллерійскія *лянзы*. Въ случаѣ надобности орудія придаются къ *лянза-мъ* пѣхотнымъ или коннымъ.

Командиръ *лянзы* вмѣстѣ съ тѣмъ и полный ея хозяинъ. Получая отъ казны деньги по списочному составу людей, онъ всегда содержитъ ихъ въ наличности гораздо меньше; экономію же такого учета кладетъ себѣ въ карманъ. * Помимо того, значительная часть содержанія, даже наличныхъ солдатъ, расхищается ихъ начальниками, отъ высшихъ до низшихъ чиновъ включительно. Кромѣ *лянзъ*, состоящихъ изъ природныхъ Китайцевъ, а также изъ Дунганъ, ** въ Восточ-

* Само правительство знаетъ объ этомъ и потому иногда даетъ полному генералу командованіе *лянзой* въ видѣ пенсіи.

** Кромѣ того, Дунганы изъ-за-стѣннаго Китая иногда встрѣчаются въ *лянзахъ* изъ природныхъ Китайцевъ.

номъ Туркестанѣ сформированы двѣ *лянзы* янги-мусульманъ * и двѣ киргизскія *лянзы*.

Въ Илійской же провинціи и въ Тарабагатаѣ на службу также призваны Сибо, Солоны и Калмыки разныхъ родовъ. Въ регулярныхъ войскахъ они образуютъ нѣкоторыя строевыя части. Собственно же составляютъ милицію, которая содержитъ караулы на нашей границѣ, возитъ казенную почту, конвоируетъ транспорты и работаетъ на казенныхъ лашняхъ. **

Сроковъ службы въ вербовочныхъ китайскихъ войскахъ не полагается. Въ мирное время солдатъ волею оставить свою профессію, но не иначе какъ съ согласія командира *лянзы*; въ военное время отставки нѣтъ. Иностранцы обязаны службой съ двадцатилѣтняго возраста до глубокой старости. Производство въ оберъ-офицерскіе чины зависитъ не только отъ главнокомандующаго, но даже и отъ областныхъ начальниковъ войскъ. Утвержденіе въ чинъ получается изъ Пекина. Никакого образовательнаго ценза при этомъ не требуется. Обыкновенно въ офицеры попадаютъ всего скорѣе любимцы начальниковъ, не исключая и ихъ личныхъ слугъ. Увольненіе отъ службы китайскіе офицеры могутъ получить также лишь съ согласія своего начальства. Пенсій при отставкѣ не полагается.

Жалованье нижнихъ чиновъ различно, смотря по роду войскъ къ которому они принадлежатъ: въ пѣхотѣ рядовой получаетъ ежемѣсячно 2—4 лана, *** въ кавалеріи

* То-есть изъ Китайцевъ обращенныхъ силою въ магометанство и служившихъ въ войскахъ Якубъ-бека. При наступленіи китайскихъ отрядовъ къ Кашгару эти янги-мусульмане вновь измѣнили и, захвативъ крѣпость Кашгаръ-Янги-шаръ, передали ее въ руки своихъ соотечественниковъ.

** Для воздѣлыванія лашней нерѣдко назначаются и солдаты регулярныхъ войскъ.

*** Китайскій ланъ серебра равняется среднимъ числомъ двумъ нашимъ металлическимъ рублямъ.

3—6 ланъ; * милиціонерамъ отпускается вдвое менѣе. Сверхъ жалованья, нижнимъ чинамъ выдается натурой казенное продовольствіе. Последнее состоитъ изъ дачи муки и дровъ, иногда риса и, въ рѣдкихъ случаяхъ, мяса; въ кавалеріи, гдѣ лошади отъ казны, ** отпускается солома или клеверъ и кукуруза или ячмень.

Фуражъ этотъ иногда замѣняется деньгами. Иногда же самъ *ингуанъ* продовольствуетъ строевыхъ кавалерійскихъ лошадей, съ вычетомъ за фуражъ изъ солдатскаго жалованья. Ротной варки пищи въ *лянзахъ* нѣтъ; солдаты обыкновенно продовольствуются маленькими артелями, а женатые въ своихъ семействахъ. Содержаніе офицеровъ, въ особенности старшихъ, довольно значительно. Такъ, напримѣръ, командиръ *лянзы* получаетъ 100—120 ланъ въ мѣсяцъ; ротный командиръ 20—40 ланъ, субалтернъ-офицеръ 15—25 ланъ ежемѣсячно. Кромѣ того, офицеры получаютъ, какъ и нижніе чины, дачи натурой. Въ послѣдніе годы (1884—85) содержаніе войскамъ Новой Линіи высылалось изъ Пекина весьма неисправно; поэтому голодные солдаты грабятъ жителей и нерѣдко производятъ вооруженные бунты, какъ напримѣръ въ 1884 году въ Урумчи, Манасѣ и Шихо, а въ 1885 году на Или и въ Кашгарѣ.

Въ главныхъ и нѣкоторыхъ другихъ пунктахъ областей имѣются продовольственныя склады, коими завѣдуютъ особыя чиновники. Пополненіе этихъ складовъ производится хлѣбомъ съ казенныхъ пашень и отъ мѣстныхъ жителей, какъ податная ихъ повинность. Для перевозки войсковыхъ тяжестей заведены казенные верблюды и лошади. Первые возятъ вьюкомъ, вторыя запрягаются въ арбы (большія двухколесныя

* Впрочемъ, въ кавалеріи быть-можетъ включены сюда и фуражныя деньги.

** Кромѣ *лянзъ* Каамыковъ и Киргизовъ, которые служатъ на своихъ лошадяхъ.

телѣги). Кромѣ того, въ случаѣ нужды перевозныя средства добываются реквизиціей отъ мѣстныхъ жителей или по порядку. При *лянзахъ* также имѣются въ небольшомъ числѣ конныя арбы и вьючные верблюды для перевозки солдатскихъ вещей, патроновъ и пр. Госпиталей или лазаретовъ, равно какъ и штатныхъ врачей, въ войскахъ нѣтъ. Лишь въ главномъ пунктѣ каждой области находится одинъ врачъ и въ его завѣдываніи небольшая аптека. Больные внѣ этихъ пунктовъ лѣчатся сами какъ знаютъ. Во время войны не организуется никакихъ санитарныхъ учрежденій.

Обмундированіе китайскихъ солдатъ выдается имъ отъ казны * и, за небольшими исключеніями, одинаково во всѣхъ родахъ войскъ. Оно состоитъ изъ цвѣтной курмы, на манеръ женской кофты, бязевыхъ или плюсовыхъ панталонъ и такихъ же наколѣвниковъ. Спереди и сзади курмы пришито по большому бѣлому кругу съ надписями той части къ которой солдатъ принадлежитъ. Подъ курму надѣвается длинный разрѣзанный съ боковъ халатъ. Обувью служатъ китайскіе съ войлочными, рѣже съ кожаными подошвами, башмаки, къ нимъ обыкновенно придѣлываются голенища изъ полуселковой матеріи или плюса. На головѣ повязывается лестрый платокъ, подъ которымъ спрятана длинная коса. Не рѣдко эта коса болтается на спинѣ и придаетъ безусому и безбородому солдату, каковы всѣ китайскіе воины, видъ совершенной бабы.

Форменная одежда офицеровъ состоитъ также изъ курмы (суконной или шелковой), но безъ бѣлыхъ круговъ; головнымъ уборомъ служитъ черная войлочная шляпа, на верху коей прикрѣпляется цвѣтной шарикъ по чину, а также хвостовыя перья голубаго фазана или павлина. Какъ офицеры такъ и солдаты, во время лѣтнихъ жаровъ, употребляютъ вѣера.

Вооруженіе тѣхъ же китайскихъ войскъ на Новой Линіи

* Миліціонеры имѣютъ собственную національную одежду.

находится въ самомъ первобытномъ состояніи. До сихъ поръ еще здѣсь можно встрѣтить у инородческой милиціи луки и стрѣлы, фитильныя и кремневые ружья. Строевыя части, какъ пѣхота такъ и кавалерія, имѣютъ разнообразное вооруженіе, среди котораго преобладаетъ семилнейное нарѣзное ударное ружье англійской, американской, а иногда и тульской фабрикаціи. Скорострѣлки, преимущественно Спенсера, рѣже Генри Мартина и другихъ системъ, составляютъ лишь незначительный процентъ общаго вооруженія. Притомъ огнестрѣльнымъ оружіемъ снабжены далеко не все строевыя части даже въ пѣхотѣ; многіе изъ нихъ носятъ сабли, бердыши, трезубцы, желѣзныя вилы и пики. Послѣднія длиною до трехъ сажень, дѣлаются изъ склеенныхъ пластинокъ бамбука и всегда снабжены вблизи верхняго конца значкомъ изъ большаго куска цвѣтной матеріи. Этотъ значекъ служитъ для украшенія фронта и кромѣ того, по наивному объясненію Китайцевъ, „имъ можно во время сраженія запутывать непріятеля и брать его живьемъ“. Лучше другихъ вооружены, обмундированы, да и вообще содержатся лишь небольшіе отряды составляющіе личный конвой командующихъ войсками.

Офицеры никакого вооруженія на себѣ не носятъ; только выѣзжая верхомъ, они имѣютъ сабли прикрѣпленныя съ лѣвой стороны сѣдла, какъ у всехъ китайскихъ кавалеристовъ.

Обращеніе съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, не исключая и скорострѣлокъ, до невѣроятности небрежное. Сплошь и рядомъ стволы до того загрязнены нагаромъ и ржавчиной что трудно замѣтить нарѣзы; притомъ они не рѣдко погнуты, заливающій механизмъ испорченъ, мушки потеряны, прицѣлы поломаны. Мало того, солдаты по собственному усмотрѣнію урѣзаютъ приклады и стволы, такъ что послѣдніе остаются вовсе безъ прицѣльныхъ мушекъ. Въ походахъ ружья привѣшиваются съ боку сѣдла или складываются на арбы какъ дрова; въ казармахъ валяются гдѣ попало. На нихъ солдаты носятъ воду вмѣсто коромысла, а въ дорогѣ изъ тѣхъ же ружей иногда устраиваютъ кладки для перехода канавъ.

Патроны носятъ солдатами въ кожаныхъ сумкахъ черезъ плечо или на поясѣ. Для нескорострѣльныхъ ружей пороховые заряды помѣщаютъ въ бумажкахъ отдѣльно отъ пули; послѣднія часто бываютъ не по калибру ствола, больше или меньше его. Для скорострѣлокъ патроны доставляются изъ внутренняго Китая, оттуда же привозится и порохъ изъ котораго заряды для нескорострѣльныхъ ружей приготовляются въ *лянзахъ*. Патронныхъ ящиковъ при войскахъ нѣтъ. Въ случаѣ нужды патроны возятся на арбахъ или вьюкомъ.

Ни оружейныхъ, ни какихъ-либо другихъ специально военныхъ заводовъ въ районѣ Новой Линіи нѣтъ. Только въ пунктахъ пребыванія областныхъ начальниковъ войскъ (въ Дорбулджинѣ, * Суйдунѣ ** и Камгарѣ) имѣются небольшія мастерскія для починки огнестрѣльнаго оружія *** и для выдѣлки холоднаго; здѣсь приготовляютъ частію и порохъ, но плохого качества. Въ тѣхъ же пунктахъ устроены склады патроновъ, пороха и ручнаго оружія. Въ этихъ складахъ, какъ говорятъ, помимо ударныхъ ружей, достаточно и скорострѣлокъ; но, по всему вѣроятію, какъ тѣ такъ и другія большею частію испорчены отъ неумѣлаго и небрежнаго обращенія. Тѣмъ болѣе что всѣ эти склады помѣщаются прямо въ сараяхъ или сакляхъ, не въ нарочно приспособленныхъ для того зданіяхъ. Содержаніе оружія въ особыхъ складахъ, помимо все-таки бѣльшаго его сбереженія чѣмъ на рукахъ солдатъ, дѣлается еще изъ опасенія солдатскихъ бунтовъ за неплатежъ жалованья.

Не въ лучшемъ положеніи находится и артиллерія въ войскахъ Новой Линіи. Хотя подробностей насчетъ количества имѣющихся орудій, какъ старыхъ такъ и скорозарядныхъ, узнать невозможно, ибо эти свѣдѣнія, какъ и самыя орудія. Китайцы содержатъ подъ большимъ секретомъ, или лгутъ и

* Укрѣпленіе въ 60 верстахъ къ востоку отъ города Чугучака.

** Городъ и укрѣпленіе въ 38 верстахъ къ западу отъ Кульджи.

*** При *лянзахъ* оружейныхъ мастеровъ нѣтъ.

хвастаютъ немилосердно; но все-таки по тѣмъ даннымъ которыя удалось, болѣе или менѣе случайно, добыть нашимъ офицерамъ, можно заключить о незавидномъ состояніи и ничтожномъ значеніи артиллеріи въ описываемыхъ войскахъ. Вся эта артиллерія, равно какъ и снаряды къ ней, доставлены сюда изъ внутренняго Китая.

Какъ выше было замѣчено, орудія не формируютъ батарей, но придаются къ *мянзамъ* по усмотрѣнію начальства *. Прислуга къ этимъ орудіямъ назначается изъ тѣхъ же *мянзъ*, или изъ такъ-называемыхъ *мянзъ* артиллерійскихъ. Въ крѣпостяхъ и *илпанавъ* ** орудій на стѣнахъ не имѣется: всѣ орудія, равно какъ и снаряды къ нимъ, спрятаны въ глубокитныхъ сараяхъ внутри крѣпостей. По добытымъ свѣдѣніямъ, общее количество орудій не велико, а сквозарядныхъ, преимущественно горныхъ стальныхъ, едва ли болѣе нѣсколькихъ десятковъ во всѣхъ войскахъ Новой Лианіи. Притомъ эти орудія, по крайней мѣрѣ тѣ которыя удавалось видѣть нашимъ офицерамъ, въ большинствѣ случаевъ содержатся небрежно, какъ и ручное оружіе. Помимо перѣдко попорченныхъ, вѣроятно вслѣдствіе дальней перевозки, лафетовъ, самыя тѣла орудій иногда покрыты слоемъ ржавчины не только снаружи, но и внутри по нарѣзамъ канала. Снарядовъ при всѣхъ вообще орудіяхъ вѣроятно также немного, вслѣдствіе затрудненій при дальней доставкѣ этихъ снарядовъ.

Запряжка орудій производится лошадьми или мулами. Зарядныхъ артиллерійскихъ ящиковъ, какъ кажется, очень мало; ихъ замѣняютъ двухколесныя арбы, или вьючная перевозка.

* Лишь въ крѣпости Дорбулджинѣ, близъ Чугучака, есть сформированная мѣстнымъ амбанемъ батарея изъ пяти мѣдныхъ, нарѣзныхъ, съ дула заряжающихся орудій, приблизительно четырехфунтоваго калибра.

** Оборонительныя казармы, о нихъ будетъ сказано ниже.

Если прибавить ко всему этому отсутствіе теоретическаго обученія артиллерійскому дѣлу, какъ равно и практической стрѣльбы, то можно утверждать что самыя лучшія орудія въ рукахъ Китайцевъ будутъ мало вредоносны для непріятели.

Кромѣ артиллерійскихъ орудій, въ описываемыхъ войскахъ сохранились въ большомъ числѣ старинныя крѣпостныя, гладкостѣнные фитильныя ружья, такъ-называемыя *тайфуры*, которыя содержатся какъ въ *импанахъ*, такъ и при строевыхъ частяхъ. Стволъ этого ружья длиною въ сажень; калибръ болѣе дюйма; пуля свинцовая или чугунная; вмѣсто приклада небольшая ручка. Для стрѣльбы дульная часть ружья кладется на подставку, или на плечо солдата присѣвшаго на колѣни и придерживающаго стволъ за лямки; другой солдатъ прицѣливаетъ и поджигаетъ фитилемъ порохъ на полкѣ. Выстрѣлъ получается громкій, но мѣткость и дальность боя никуда негодныя. Въ походѣ *тайфуры* возятся на выюкахъ или на арбахъ. Для прислуги и прикрытія къ каждой изъ нихъ назначается отъ 5—10 солдатъ.

Какъ безобразно вооруженіе китайскихъ войскъ на Новой Линіи, настолько же, если даже не болѣе, безобразно и ихъ обученіе. Истиннаго понятія хотя бы элементарныхъ требованій военнаго дѣла здѣсь нѣтъ рѣшительно ни у кого изъ офицеровъ, не исключая и высшихъ начальниковъ. Понятно что, при такомъ условіи, солдату невозможно научиться чему-либо по своей спеціальности. Въ результатѣ, изъ массы китайскихъ воиновъ получается лишь нѣчто похожее на войско, но никакъ не армія въ европейскомъ смыслѣ этого слова.

Строевыя ученія производятся въ *лянзахъ* довольно рѣдко, главнымъ образомъ осенью и весною. Обязательнаго военнаго устава повидимому нѣтъ; все зависитъ отъ личнаго усмотрѣнія командира *лянзы* или начальника войскъ области. Въ общемъ существуютъ лишь два строя—развернутый и каре. Притомъ главное вниманіе обращается на различныя акробатическія фокусы, не только отдѣльныхъ солдатъ, но и

цѣлыхъ частей, какъ напримѣръ рубка саблями въ тактъ музыки, подпрыгиваніе и присѣданіе шеренгами при дѣйстви тѣми же саблями, движеніе шереножнаго строя по различнымъ фигурамъ и пр. О разсыланіи стрѣлковъ и употребленіи штыка въ бою Китайцы не имѣютъ понятія; нѣтъ у нихъ также маршировки и хожденія въ ногу. Притомъ во фронтѣ солдаты разговариваютъ, сморкаются, иногда даже закуриваютъ трубки. Обучающій командиръ *манзы* помѣщается передъ фронтомъ, или чаще на вышкѣ *импана*. Офицеры обыкновенно въ строю не участвуютъ; они находятся при начальникѣ *манзы*, или стоятъ въ сторонѣ. У нѣкоторыхъ изъ нихъ въ рукахъ бамбуковыя палки, которыми тутъ же дуютъ непонятливыхъ или провинившихся солдатъ. Въ строю всегда множество знаменъ и значковъ. Боевая стрѣльба частями не производится; крайне рѣдко люди стрѣляютъ въ одиночку по мишенямъ. Все искусство обученія стрѣлковому дѣлу состоитъ лишь въ томъ чтобы солдатъ умѣлъ какъ можно скорѣе зарядить и выстрѣлить, не заботясь о прицѣливаніи; поэтому стрѣльба холостыми зарядами въ большемъ ходу. Рѣдкій изъ офицеровъ умѣетъ самъ выстрѣлить. Объ обращеніи же съ ружьемъ, объ его чисткѣ, разборкѣ и пр., какъ солдаты, такъ и офицеры, не имѣютъ ни малѣйшаго понятія. Европейскихъ инструкторовъ при войскахъ Новой Линіи нѣтъ вовсе.

Нерѣдко производятся здѣсь смотры и парады. На нихъ, равно какъ и на ученія, солдаты иногда вовсе не идутъ, требуя предварительно улаты заслуженнаго жалованья. Бываетъ что при необходимости сдѣлать парадъ по случаю пріѣзда почетнаго лица, начальникъ войскъ выдаетъ своимъ солдатамъ за этотъ день суточные деньги, какъ заработную плату.

Въ кавалеріи солдаты ѣздятъ хорошо и умѣло обращаются съ лошадьми; но обученіе, основанное олять-таки на акробатическихъ штукахъ и стрѣльбѣ съ коня, дѣлаетъ этотъ родъ оружія нигуда негоднымъ. Притомъ развѣдочная и

сторожевая служба кавалеріи неизвѣстны. Артиллерійскихъ ученій, а тѣмъ болѣе стрѣльбы изъ орудій снарядами, вовсе не производится.

Караульная служба въ тѣхъ же войскахъ въ полномъ пренебреженіи. Караулы выставляются повидимому лишь къ воротамъ крѣпостей и *импановъ*. Къ нимъ назначаются отъ *ланзэ* части обыкновенно на продолжительное время; поэтому солдаты переселяются въ караульный домъ со всѣмъ домашнимъ скарбомъ, даже съ женами и дѣтьми по сосѣдству. Днемъ постовъ не выставляютъ; въ это время караульные солдаты занимаются кто чѣмъ хочетъ; часовые дежурятъ лишь ночью.

При походныхъ движеніяхъ никакого порядка не соблюдается. Офицеры обыкновенно уѣзжаютъ впередъ на мѣсто ночлега. Солдаты же идутъ въ разбродъ и какъ попало—кто верхомъ, кто пѣшкомъ, кто босой или безъ верхняго платья. По пути заходятъ въ жилыя мѣста и грабятъ тамъ. Продовольствіе солдатамъ во время похода всегда берется у мѣстныхъ жителей реквизиціей. Для носки вещей въ походѣ солдатамъ выдаются, вмѣсто ранцевъ, холщевые мѣшки. Однако солдатскія вещи обыкновенно перевозятся въ обозѣ. Сами же солдаты далеко не всегда несутъ на себѣ даже оружіе; нерѣдко и оно везется на арбахъ. Если же ружья имѣются на рукахъ солдатъ, то они во время пути стрѣляютъ во встрѣчныхъ птицъ или звѣрей, или прямо на воздухъ. При всемъ томъ слѣдуетъ сказать что китайскій солдатъ вообще хорошій ходокъ, да и относительно лица въ походѣ не прихотливъ.

Тѣ укрѣпленія о которыхъ подъ названіемъ *импановъ* было не разъ упомянуто выше представляютъ глинобитныя крѣпостцы квадратной формы, саженъ въ 30—60 по длинѣ фасовъ, съ зубчатою стѣной въ 2—3 саженя вышины, съ фланкирующими башнями по угламъ и иногда не глубокимъ рвомъ впереди. Въ одномъ изъ фасовъ продѣлываются

ворота, прикрытыя снаружи небольшою стѣнкой. Внутри *илтана* построены для солдатъ казармы, которыя представляютъ длинный рядъ глиняныхъ, подъ общею камышевою крышею, каморокъ, примкнутыхъ къ крѣпостной стѣнѣ, или расположенныхъ отдѣльно отъ нея. Въ каждой каморкѣ помѣщаются 5—10 солдатъ. Нагрѣваніе производится толкой глиняныхъ нарѣ, которыя служатъ для спанья; полъ земляной, окна рѣшетчатые заклеенныя просаленною бумагой; иногда же вмѣсто оконъ имѣется лишь отверстіе въ потолокъ. Вообще описываемыя жилища грязны и холодны. Женатыя солдаты живутъ въ тѣхъ же казармахъ, но отдѣльно со своими семействами.

Помѣщенія командира *ланзы* и офицеровъ мало чѣмъ отличаются отъ солдатскихъ; они строятся также внутри *илтана*, только особо отъ казармы нижнихъ чиновъ.

Каждый *илтанъ* служитъ помѣщеніемъ обыкновенно для одной *ланзы*, съ ея лошадьми, запасомъ продовольствія, топлива, фуража и пр. Приспособлены *илтанъ* лишь для ружейнаго огня, да и то плохо относительно фланкированія или взаимной обороны. Цѣль такихъ сооруженій заключается, по объясненію Китайцевъ, въ обезпеченіи лучшаго надзора за солдатами. Отчасти это и правда. Главнымъ же образомъ *илтанъ* строятся ради трусости китайскихъ войскъ и ихъ любимой привычки воевать изъ-за закрытій.

Илтанъ встрѣчаются во всѣхъ трехъ провинціяхъ Новой Линіи, чаще по сосѣдству нашей границы, какъ на примѣръ, въ Дорбулджинѣ, на Боро-тола, въ Суйдунѣ и въ западной части Восточнаго Туркестана. Возводятся они частію мѣстными жителями по наряду, изрѣдка по найму; частію самими же китайскими солдатами, которые вообще весьма привычны къ землянымъ работамъ.

Болѣе прочныя укрѣпленія подъ названіемъ *янг-шари* (то есть *новый городокъ*) выстроены Китайцами (часто достались имъ отъ инсургентовъ) въ большихъ городахъ Новой

Лини. Въ этихъ *янги-шари*, помѣщаются, кромѣ войскъ, * всѣ китайскія военныя и гражданскія власти округа, склады продовольствія, обмундированія, оружейныя, артиллерійскія и военныя мастерскія, если таковыя имѣются; здѣсь же находится базаръ (китайскій или даже туземный) и живутъ торговцы со своими семействами. По размѣрамъ, *янги-шари* бываютъ различны—среднимъ числомъ отъ 100—200 сажень въ поперечникѣ, иногда же и болѣе. ** Стѣны ихъ сбиты изъ глины и имѣють 4—6 сажень вышины, при значительной толщинѣ, съ оборонительною стѣнкой на верху. Форма *янги-шари*, какъ у *илпановъ*, квадратная, рѣже многоугольная. По угламъ и на протяженіи фасовъ фланкирующія башни; впереди ровъ иногда съ вододѣйствіемъ и оборонительною стѣнкой. Въ крѣпость ведутъ трое или четверо воротъ, прикрытыхъ полукруглыми траверсами; на ночь эти ворота, какъ и въ *илпанавъ*, запираются.

Для артиллерійской обороны *янги-шари* мало пригодны, ибо, за исключеніемъ немногихъ башень, не имѣють на стѣнахъ хорошаго помѣщенія даже для горныхъ орудій, не только что для полевыхъ или крѣпостныхъ. Соображая по своему, Китайцы больше разчитываютъ на защиту этихъ крѣпостей ружейнымъ огнемъ и ручнымъ метаніемъ въ непріятеля камней, которые для такой цѣли въ изобиліи собраны на стѣнахъ. Другіе крупныя недостатки *янги-шари* заключаются въ томъ что они нерѣдко расположены у подножія командующихъ высотъ, а внутри не имѣють блиндированныхъ построекъ; затѣмъ городскія зданія и сады часто

* Казармы солдатъ внутри *янги-шари* также иногда обнесены *илпаномъ*.

** Такъ, напримѣръ, кашгарскій *янги-шаръ*, какъ кажется, наибольшій изъ всѣхъ, имѣеть слѣшкомъ полторы версты въ окружности; по своей формѣ онъ представляетъ неправильный пятиугольникъ.

подходятъ къ самымъ крѣпостнымъ стѣнамъ, такъ что подступы къ нимъ весьма облегчены съ близкаго разстоянія. Словомъ, эти крѣпости не удовлетворяютъ даже слабымъ требованіямъ современнаго военнаго искусства.

Если обратимся теперь ко внутренней, моральной сторонѣ килайскихъ войскъ Новой Линіи, то увидимъ еще болѣе печальныя явленія. Причины тому, съ одной стороны, малая пригодность самого солдата для военнаго дѣла, трусость и низкій нравственный уровень, а съ другой—въ крайней степени неудовлетворительный составъ офицеровъ, не исключая и высшихъ начальниковъ. Помимо полнаго невѣжества тѣхъ и другихъ въ дѣлѣ своей спеціальности, какъ солдатамъ такъ и офицерамъ равно чужды здѣсь понятія чести и долга. * Никакихъ нравственныхъ узъ и никакого нравственнаго авторитета начальниковъ надъ подчиненными въ арміи не существуетъ. Каждый офицеръ, отъ низшихъ до высшихъ чиновъ, прежде всего воръ и грабитель въ глазахъ солдата, котораго онъ дѣйствительно обираетъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ. Офицеры, а за ними и солдаты, поголовно преда ны куренію опиума, а этоть бичъ, какъ извѣстно, убиваетъ физическую и нравственную стороны чловѣка. Никакого присмотра за солдатомъ, не говоря уже про его воспитаніе, въ войскахъ не существуетъ. Кромѣ рѣдкихъ ученій, нижніе чины занимаются цѣлый день чѣмъ угодно, даже мелочною торговлей по базарамъ, и лишь на ночь обязаны являться въ свои казармы, гдѣ тотчасъ приступаютъ къ куренію опиума. Офицеры также цѣлый день, какъ говорится, бьютъ баклуши; на ночь же накуриваются опиума и спятъ не рѣдко до полудня.

Отношенія офицеровъ между собою и къ солдатамъ самыя

* Такъ, напримѣръ, въ наказаніе провинившемуся солдату назначается посылка его въ передовые ряды во время сраженія.

ненормальныя: то слишкомъ фамилярныя, то слишкомъ этикетныя и требовательныя.*

Въ результатѣ получается полное отсутствіе истинной дисциплины, несмотря на то что даже младшіе офицеры имѣютъ право подвергать солдатъ тяжкимъ тѣлеснымъ наказаніямъ; начальникъ же войскъ въ области или командиръ нѣсколькихъ *лянзъ* (*тунъ-минъ*) могутъ предавать нижнихъ чиновъ смертной казни. Но всѣ эти строгости, не регулируемая закономъ, наоборотъ, примѣняемая вполнѣ произвольно,** приводятъ лишь къ частому дезертирству и вооруженнымъ бунтамъ солдатъ.

* Офицеры нерѣдко проводятъ время вмѣстѣ съ солдатами, какъ въ казармахъ такъ и внѣ ихъ; причемъ иногда подвергаются грубымъ выходкамъ и даже оскорбленіямъ со стороны солдатъ. Эти послѣдніе, по какому-то нелѣпому обычаю, совершенно игнорируютъ офицеровъ не принадлежащихъ къ ихъ *лянзъ* и даже высшихъ начальниковъ которымъ прямо не подчинены. Иногда же, въ особенности на чужихъ глазахъ, китайскіе офицеры свысока, даже презрительно относятся къ своимъ солдатамъ. Таковы же отношенія командировъ отдѣльныхъ частей къ подчиненнымъ имъ офицерамъ: при постороннихъ людяхъ эти офицеры не смѣютъ сѣсть предъ своимъ начальникомъ, даже прислуживаютъ ему за столомъ или подаютъ чай и трубки, какъ наши деньщики; когда же показная сторона миновала, эти самые офицеры держатъ себя за ланибрата со своимъ поводителемъ.

** Военнаго устава о наказаніяхъ и военныхъ судовъ въ войскахъ китайскихъ нѣтъ. За общія преступленія солдаты судятся гражданскимъ судомъ; за военныя—по усмотрѣнію начальства—наказанія практикуются слишкомъ жестока: тысяча или, какъ говорятъ, даже двѣ тысячи и болѣе ударовъ бамбуковою палкой, ножные кандалы, шейныя колодки, смертная казнь. Для офицеровъ наказанія заключаются въ арестъ, денежномъ вычетѣ изъ содержанія, смѣщеніи на низшую должность, наконецъ въ битыя бамбуковыми палками съ разжалованіемъ или безъ онаго. Все это можетъ быть исполнено властью главнокомандующаго, или даже начальствующаго войсками

Своей ненависти къ офицерамъ и другимъ начальникамъ китайскіе солдаты вовсе не скрываютъ. Ради этого командиры войскъ обыкновенно окружаютъ себя конвоемъ изъ преданныхъ людей. Словомъ, во всѣхъ отрасляхъ военнаго быта царить страшная безурядица и полнѣйшій произволь, приправляемые не рѣдко круглымъ невѣжествомъ даже главныхъ начальниковъ войскъ. * Спеціальныя ихъ познанія въ дѣлѣ военномъ, какъ уже не разъ было говорено, не выдерживаютъ ни малѣйшей критики. Можно поручиться что самъ главнокомандующій китайскою арміею на Новой Линіи гораздо менѣе понимаетъ современныя требованія войны чѣмъ любой изъ нашихъ субалтернъ-офицеровъ.

Такова, конечно въ самыхъ общихъ, крупныхъ чертахъ, характеристика ближайшей къ намъ китайской арміи. Ея полнѣйшее безобразіе въ дѣлѣ военномъ нерѣдко поразительно. Приведенные факты добыты и провѣрены какъ личными нашими наблюденіями, такъ и изслѣдованіями другихъ русскихъ офицеровъ. Повторяю что данная характеристика въ большей или меньшей степени можетъ быть приложима ко всему китайскому воинству, ибо извѣстно каждому что „яблоко отъ яблони не далеко укатится“.

VII. Наши отношенія къ Китаю.

Сопоставляя все вышеизложенное о непрочности китайской власти среди сосѣднихъ намъ народовъ Центральной Азіи, о большой симпатіи этихъ народовъ къ Русскимъ, о неудовлетворительности военныхъ силъ Китая, можно, повидимому,

области съ донесеніемъ въ пекинское военное министерство. Генералы подвергаются наказаніямъ только по конfirmaціи богдохана.

* Такъ, напримѣръ, командующій нынѣ войсками въ Восточномъ Туркестанѣ, савонникъ Дунгъ, вовсе безграмотный.

прійти къ заключенію что наше положеніе въ Азіи, по крайней мѣрѣ относительно Китая, не оставляетъ желать ничего лучшаго. Въ дѣйствительности же совсѣмъ наоборотъ. Начиная съ перваго нашего посольства въ Китай въ 1653 году и до отказа Китайцевъ утвердить недавній Ливадійскій договоръ, всѣ наши отношенія къ Средней Имперіи зиждутся на сохраненіи столь восхваляемой двухсотлѣтней дружбы, въ сущности же на нашемъ двухвѣковомъ заискиваніи предъ Китаемъ. Отрадныя исключенія за весь этотъ долгій періодъ составляютъ лишь энергическія дѣйствія графа Рагузинскаго, заключившаго въ 1727 году договоръ которымъ положено начало кяхтинской торговлѣ, да такія же дѣйствія второй половинѣ пятидесятихъ годовъ наш^{го} столѣтія графовъ Муравьева и Игнатьева, сказавшіяся пріобрѣтеніемъ нами Амурскаго края. Въ этотъ послѣдній періодъ Китайцы было пріуныли, въ особенноти послѣ трепки которую имъ задали въ 1860 году Англо-Французы. Притомъ тогда не была еще подавлена въ Китаѣ грозная инсurreкція Тайпинговъ и вскорѣ вспыхнуло возстаніе Дунганъ. Казалось, для нынѣшней Манчжурской династіи, возсѣдающей съ 1644 года на престолѣ Китая, пробилъ роковой часъ, но не тутъ-то было. Вѣрный своей традиціонной политикѣ пассивнаго выжиданія и сопротивленія, Китай понемногу справился съ инсургентами, какъ на югѣ, такъ и на западѣ имперіи, обзавелся военными снабженіями изъ Европы и потребовалъ отъ насъ обѣщаннаго возвращенія Кульджинскаго края. Послѣ долгихъ переговоровъ край этотъ былъ нами уступленъ обратно. Столь дешевый успѣхъ еще болѣе подзадорилъ Китайцевъ. Признавая, какъ и всѣ Азіятцы, лишь неотразимую силу и того ради принимая нашу уступчивость за боязнь и безсиліе, Китайцы, особенно въ послѣдніе годы, сдѣлались черезчуръ заносчивы и высокомерны даже въ пограничныхъ съ нами сношеніяхъ. Я не говорю уже про Амурскій край, сопредѣльный враждебной намъ Манчуріи, — тамъ наглыя

выходки Китайцевъ по временамъ совершенно невыносимы. Но даже со стороны Монголіи и притянь-шаньскихъ земель, гдѣ власть китайская чуть держится,—и тамъ Китайцы съ невообразимымъ нахальствомъ, а главное безнаказанно, сплошь и къ ряду оскорбляютъ какъ нашихъ пограничныхъ начальниковъ такъ и нашихъ консуловъ, не соблюдаютъ условій трактатовъ, тормозятъ нашу торговлю и пр. и пр. Сосѣдніе той же границѣ инородцы, какъ наши такъ и китайскіе, все это видятъ и знаютъ. Престижъ нашъ, уже достаточно поколебленный уступкой Кульджи, падаетъ съ каждымъ годомъ въ мѣстностяхъ пограничныхъ; наоборотъ, помимо даже желанія со стороны туземцевъ, въ ихъ глазахъ возрастаетъ значеніе власти китайской. Въ высшихъ правительственныхъ сферахъ Китая, быть-можетъ не безъ посторонняго вліянія, какъ кажется, уже не скрываютъ желанія помѣряться съ нами на полѣ бранномъ и заранѣе намѣчаютъ результаты китайскихъ побѣдъ. Словомъ, пресловутая двухсотлѣтняя дружба, несмотря на все наше стараніе продлить ее, хотя бы цѣной уступокъ и поблажекъ, все-таки виситъ на волоскѣ, который не сегодня завтра можетъ порваться.

Затѣмъ нужно помнить что Китай никогда не имѣлъ и нынѣ вовсе не имѣетъ искренняго желанія вступить въ близкія сношенія съ иностранцами. Наоборотъ, избавиться отъ „заморскихъ дьяволовъ“ и жить полпрежнему изолированно, вотъ заветная мечта всего Китайскаго народа и его правительства. Отчасти это и резонно, если вспомнить какимъ несправедливостямъ и нападкамъ подвергается Китай со стороны Европейцевъ, начиная отъ привилегированнаго здѣсь положенія всѣхъ иностранцевъ вообще и затѣмъ миссіонеровъ, которые, уклоняясь отъ истинныхъ принциповъ своей пропаганды, создаютъ государство въ государствѣ, до торговой эксплуатаціи и насильственнаго ввоза опиума*, отравляющаго цвѣтъ

* На 12 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ ежегодно.

китайскаго населенія. На насъ, собственно говоря, ни въ чемъ подобномъ Китай не можетъ пожаловаться. Мы всегда были слишкомъ уступчивыми и добрыми для него сосѣдями. Даже занятіе нами Амурскаго края не было особенною наглостію съ нашей стороны, ибо край этотъ фактически никогда Китацямъ не принадлежалъ.

Тѣмъ не менѣе, какъ выше сказано, Китай и относительно насъ держится самой неблагоприятной, если можно такъ выразиться, политики. Хотя договорами * заключенными въ текущемъ полу столѣтіи мы значительно расширили свои торговыя права и дипломатическія сношенія со Среднею Имперіей, получили разрѣшеніе содержать своего представителя въ Пекинѣ **, а консуловъ въ открытыхъ Европейцамъ портахъ и въ нѣкоторыхъ городахъ ближайшихъ къ нашей сухопутной границѣ, тѣмъ не менѣе практическіе результаты такихъ успѣховъ весьма не велики. Попрежнему Китаицы смотрятъ на насъ съ высока, попрежнему тормозятъ нашу торговлю, попрежнему придираются ко всякому удобному случаю чтобы нарушить то или другое условіе трактатовъ. Каждый изъ безпристрастныхъ людей имѣющихъ дѣло въ Китаѣ или по нашей тамъ границѣ можетъ это засвидѣтельствовать. Да и въ самой прочности существующихъ трактатовъ позволительно сомнѣваться, ибо въ Китаѣ при огульной ненависти къ Европейцамъ всего населенія и при нерѣдкой смѣнѣ господства въ правительственныхъ сферахъ той или другой

* Кульджинскимъ, Айгунскимъ, Тяньцзинскимъ, Пекинскимъ и Петербургскимъ.

** Ранѣе дипломатическія сношенія между нами и Китаемъ обыкновенно производились особыми посольствами. Такія посольства съ нашей стороны рѣдко достигали своей цѣли, но всегда болѣе или менѣе испытывали гордое, даже презрительное отношеніе къ нимъ китайскихъ властей. Доходило до того что Пекинское правительство, видя настойчивость нашего посла, требовало взамѣнъ его прислать „болѣе благоразумнаго человѣка“.

партіи, каждый договоръ болѣе чѣмъ гдѣ-либо имѣетъ обязательную силу лишь насколько онъ гарантированъ матеріальною силою договаривающагося. По вѣрному мнѣнію профессора Мартенса *, международное право не можетъ быть приложимо въ сношеніяхъ съ полудикими народами. ** Имъ нужна видимая сила, которую только и признаютъ и уважаютъ они. Такъ и для Китая. Осознательно чувствуя громадную силу морскихъ державъ, онъ поджимаетъ предъ ними хвостъ и, наоборотъ, видя нашу уступчивость, ощущивается въ эту сторону. Къ тому же преобладающее въ Пекинѣ вліяніе иностранцевъ и вѣроятныя интриги нѣкоторыхъ изъ нихъ еще болѣе парализуютъ наше положеніе въ Невесной Имперіи.

Иные говорятъ что Китайъ косвеннымъ образомъ услуживаетъ намъ, сдерживая подъ своею властію народности Центральной Азіи, но такой взглядъ едва ли вѣренъ. Номады Монголы въ нынѣшнія времена не могутъ быть хотя сколько-нибудь намъ опасны; владычество же Китайцевъ надъ магометанскимъ населеніемъ Центральной Азіи ведетъ, какъ было выше объяснено, не къ успокоенію этого населенія, а наоборотъ, къ новымъ съ его стороны возстаніямъ. Эти

* Выказанному въ его замѣчательныхъ брошюрахъ: *Россія и Китай, Россія и Англія въ Средней Азіи.*

** А развѣ къ нимъ нельзя причислить Китайцевъ? Страна которая окаменѣла въ своихъ вѣковыхъ преданіяхъ чужда всякому прогрессу, ибо почитаніе старины возведено здѣсь чуть не въ религиозный культъ, гдѣ наука представляетъ собою мумію, гдѣ нравственность, жизнь семейная и общественная зиждутся на принципахъ выработанныхъ задолго до начала нашей эры, гдѣ народъ не знаетъ никакой религіи и совершенно безсердеченъ, гдѣ матеріальныя выгоды составляютъ единый кумирь всѣхъ и cadaго, гдѣ, наконецъ, чужеземецъ со своими новшествами, безъ разбора хороши ли они или худы, является заклятымъ врагомъ—такая страна безъ особенной натяжки можетъ быть названа полудикою.

возстанія, въ особенноти при удачномъ ихъ исходѣ, могутъ до извѣстной степени мутить и магометанъ въ сопредѣльныхъ нашихъ владѣнїяхъ.

Немногимъ лучше и относительно нашей торговли съ Китаемъ, по крайней мѣрѣ при настоящемъ ея положенїи. Хотя до половины нынѣшняго столѣтїя мы почти не имѣли здѣсь торговыхъ соперниковъ и болѣе чѣмъ полтора вѣка ведемъ Кяхтинскую торговлю, тѣмъ не менѣе весь годичный торговый нашъ оборотъ съ Небесною Имперїей (по привозу и вывозу) достигаетъ нынѣ * лишь 24½ миллионъ рублей. Между тѣмъ сравнительно недавно возникшая морская торговля западныхъ державъ съ Китаемъ такъ быстро возрастаетъ, въ особенноти для Великобританїи, что ежегодный оборотъ этой торговли уже представляетъ почтенную цифру въ 1.100—1.200 миллионъ франковъ. Ясно что конкуренція здѣсь для насъ теперь невысказана и что весь приморскїй Китай никогда не можетъ сдѣлаться нашимъ рынкомъ. ** Но въ застѣвннхъ владѣнїяхъ Китая и даже въ собственныхъ сѣверо-западныхъ его провинціяхъ Гань-су и Шань-си, гдѣ торговля издавна направляется къ Монголіи и Тибету, мы имѣемъ возможность развить и упрочить наши торговыя операціи. Со временемъ же быть-можетъ представятся удобныя обстоятельства забраться и поглубже въ собственный Китай.

Во всякомъ случаѣ лучшее будущее нашей китайской торговли возможно лишь тогда когда хотя отчасти устранятся тѣ причины которыя нынѣ служатъ великими для нея тормозами.

* За 1884 годъ.

** Изъ числа 22.970 судовъ (17.300 пароходовъ и 5.670 парусныхъ), посѣтившихъ въ 1880 году открытые Европейцамъ китайскїе порты и перевезшихъ около 16 миллионъ тоннъ груза, нашихъ судовъ было только 41, съ грузомъ около 50 тысячъ тоннъ.

Къ такимъ причинамъ, дѣйствующимъ извнѣ, помимо непосильной конкуренціи морскихъ державъ, двигающихъ громадными капиталами и наводняющихъ открытые китайскіе порты своими дешевыми товарами, слѣдуетъ причислить прежде всего недобросовѣстное отношеніе самихъ Китайцевъ къ торговымъ съ нами трактатамъ и тѣмъ притѣсненія которымъ подвергаются отъ китайской администраціи наши торговцы со стороны сухопутной границы.

Такъ, Манчжурія для нашей торговли фактически вовсе закрыта, несмотря на то что еще Айгунскій трактатъ 1858 года выговорилъ намъ свободное плаваніе по рѣкѣ Сунгари. Въ Монголіи же, помимо транзитной чайной торговли, исключительно направляющейся въ Кяхту, наша торговля съ номадами крайне затрудняется торговыми здѣсь компаніями китайскихъ (преимущественно шань-сійскихъ) купцовъ. Эти компаніи имѣютъ каждая опредѣленный районъ, и помимо поставки болѣе дешевыхъ, припоровленныхъ ко вкусу и потребностямъ Монгола товаровъ, находятся въ стачкѣ съ мѣстною китайскою администраціей, такъ что почти исключаютъ возможность конкуренціи съ нашей стороны. Наконецъ, въ Восточномъ Туркестанѣ, гдѣ китайская торговля начтожна, а наша всего болѣе развита, благодаря давнишнему тяготѣнію этой страны къ бывшему Коканскому ханству, то-есть къ нынѣшней Ферганской области, Китайцы самымъ безсовѣстнымъ образомъ слабшъ и рядомъ тѣснятъ русскую торговлю и даже совершаютъ насилія надъ нашими подданными. Нѣсколько улучшилось подобное положеніе лишь съ учрежденіемъ русскаго консульства въ Кашгарѣ. Вообще для преуспѣянія нашей торговли въ за-стѣнномъ Китаѣ, помимо уже имѣющихся здѣсь консульствъ—въ Ургѣ, Чугучакѣ, Кульджѣ и Кашгарѣ—слѣдовало бы учредить и новыя въ важныхъ для торговыхъ операцій пунктахъ.

Затѣмъ не мало найдется и съ нашей стороны причинъ стѣсняющихъ развитіе русской торговли какъ въ Центральной

Азіи, такъ и въ другихъ мѣстностяхъ Китая. Такими причинами являются: отсутствіе крупныхъ капиталовъ, недостатокъ солидныхъ торговыхъ фирмъ и широкой инициативы въ этомъ дѣлѣ вообще. Кромѣ того, малое развитіе нашей колонизаціи по Китайской границѣ, отсутствіе здѣсь фабричнаго производства и неудовлетворительное состояніе путей сообщенія— все это вмѣстѣ взятое представляетъ весьма тяжеловѣсную сумму неблагоприятныхъ условій при которыхъ торговое дѣло едва ли можетъ установиться какъ слѣдуетъ. А между тѣмъ даже и теперь нѣкоторые наши товары, какъ юфть, плюсъ, сукно и желѣзо въ разныхъ видахъ, находятъ для себя хорошей сбытъ въ Монголіи; * частію тѣ же товары, кромѣ того, ситцы, разныя бумажныя и шерстяныя матеріи, мѣдныя издѣлія, сахаръ и пр., ходко продаются въ Восточномъ Туркестанѣ. ** Кромѣ того, значительнымъ предметомъ сбыта въ собственный Китай изъ нашей Сибири могло бы быть тамошнее сырье, какъ лѣсъ, *** скотъ † и пр.

* Здѣсь наша торговля почти исключительно мѣновая. Она производится по всей сѣверной Монголіи, какъ равно и въ тамошнихъ городахъ: Ургѣ, Алясутаѣ и Кобдо.

** Торговля здѣсь находится въ рукахъ нашихъ подданныхъ, уроженцевъ Ферганы и другихъ частей русскаго Туркестана; эти люди извѣстны въ Восточномъ Туркестанѣ подъ общимъ именемъ Анджанъ. Оборотъ всей торговли по привозу и вывозу простирался въ 1882 году, по донесенію нашего кашгарскаго консула, до 2.200.000 р.

*** Въ настоящее время лѣсъ изъ окрестностей Урги, въ видѣ досокъ и брусевъ, перевозится въ Калганъ вьюкомъ на обратныхъ верблюдахъ. Доставка cadaго пуда дерева обходится около одного рубля на наши деньги. Сколько могли бы мы сбывать моремъ въ Китай и Японію лѣснаго матеріала изъ громадныхъ лѣсовъ Амурскаго края?

† Китай, вовсе не имѣющій пастбищъ и скотоводства, весьма нуждается въ скотѣ, который нынѣ получается главнымъ образомъ изъ Монголіи даже изъ окрестностей Улясутая и Кобдо. Тѣмъ же путемъ могъ бы быть доставляемъ въ сѣверный Китай дешевый скотъ нашихъ Киргизскихъ степей.

Конечно, вопросъ о развитіи нашей торговли съ Китаемъ потребуеъ многосторонняго обсужденія спеціалистовъ, но напередъ можно сказать что постановка этого дѣла на болѣе широкихъ и прочныхъ чѣмъ теперь основаніяхъ немислима безъ кореннаго измѣненія нашихъ отношеній къ Средней Имперіи. Къ сожалѣнію, выгодное разрѣшеніе многихъ здѣсь неудобствъ мирнымъ путемъ едва ли удастся. Повторяю, каждому изъ нашихъ пограничныхъ дѣятелей извѣстно что высокомеріе и наглость Китайцевъ растутъ съ каждымъ годомъ. Весьма возможно даже что Китай, отуманенный недавними успѣхами въ борьбѣ съ Дунганами и частію въ Тонкинѣ и возвращеніемъ Кульджи, притомъ подстрекаемый нашими недругами, самъ объявитъ намъ войну при первомъ удобномъ случаѣ. Часъ такого событія быть-можетъ не за горами. Особенно его опасаться нѣтъ резона, ни со стороны нашихъ шансовъ побѣды, ни со стороны улучшенія нашего положенія въ Азіи вообще, а въ Китаѣ въ особенности. Какъ ни дурна война сама по себѣ, но худой миръ также не сладокъ; это испытываетъ теперь вся Европа. Относительно же Китая можно быть увѣреннымъ что его политика къ намъ не переменится по крайней мѣрѣ прочнымъ образомъ, безъ фактическаго заявленія силы съ нашей стороны. Волей-не-волей намъ придется свести здѣсь давніе счеты и осязательно доказать своему заносчивому сосѣду что русскій духъ и русская ствага равносильны какъ въ сердцѣ великой Россіи такъ и на далекомъ востокѣ Азіи.

Октябрь 1886 года.

Село Слобода, Порѣчскаго
уѣзда, Смоленской губ.
